

БОЙЦЫ МУРА

Новые детективы по реальным делам

ИЛЬЯ РЯСНОЙ

**ТАБЕЛЬНЫЙ
ВЫСТРЕЛ**

Бойцы МУРа. Новые детективы по реальным делам

Илья Рясной

Табельный выстрел

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Рясной И. В.

Табельный выстрел / И. В. Рясной — «Эксмо», 2015 — (Бойцы МУРа. Новые детективы по реальным делам)

ISBN 978-5-699-83431-0

1964 год. В Свердловске бесчинствует банда рецидивиста по кличке Грек. Чтобы заполучить пистолет, он со своими подельниками убивает участкового. Затем жестоко расправляется с утильщиком, бывшим директором рынка, и с его семьей. Кровавые следы опутывают кварталы. Слухи о зверствах банды Грека расползаются по всему городу, парализуя население страхом. Люди боятся выходить из квартир. Милиция делает все возможное для поимки преступника, но все усилия сыскарей тщетны. И тогда к делу подключаются лучшие оперативники из Московского уголовного розыска. В Свердловск срочно вылетает опергруппа подполковника Поливанова...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83431-0

© Рясной И. В., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	28
Глава 9	30
Глава 10	35
Глава 11	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Илья Рясной

Табельный выстрел

© Рясной И., 2015

© Оформление ООО «Издательство „Э“», 2015

Из-за угрозы международного резонанса Никита Хрущев в 1964 году приказал засекретить это дело. Жесточайшее по меркам СССР преступление было раскрыто благодаря сотрудникам МУРа Владимиру Чванову и Свердловского уголовного розыска Николаю Калимулину, которые явились прототипами героев книги.

Глава 1

По осенней тайге, плюща мох и траву тяжелыми сапогами, шел среднего роста человек. Его лицо было обветренным и изъеденным мошкаррой, борода свалывшейся. На его плече висело охотничье ружье. Телогрейка топорщилась от привязанных на поясе мешочков с разными нужными вещами, на спине пристроился объемистый мешок. Вид для тайги типичный. Это мог быть кто угодно – охотник, старатель, варнак, беглый зэк. Вековые деревья много кого видели на своем веку, и этот человек мало чем отличался от других.

Он имел уголовную кличку Грек. И сейчас спасал свою жизнь.

Ушел Грек вовремя. Он всегда успевал распрощаться вовремя. Те, с кем сводила его судьба и кто не успевали уходить вовремя, давно уже мертвы. Может быть, и его недавних попутчиков по жизни Глиста, Пономаря и Ржавого уже нет в живых? Греку об этом неизвестно, да и не волновали его больше их проблемы. Он ушел от них навсегда.

Семь месяцев назад Грек и несколько классических сибирских бичей, живущих чем бог пошлет и ни в грош не ценящих чужие жизни, нашли в тайге золотую жилу. Нет, они не отыскали золото и не мыли его, собирая по крупичкам. Не будет никогда работать тот, кто может забрать все, что ему нужно, силой.

Народ в этих краях тертый, охотничье ружье более привычный предмет обихода, чем вилка и ложка. И старатели, моющие золотишко, выживающие в тайге в любую непогоду, готовы сойтись в схватке с любым хищным зверем, пусть даже этот зверь – человек, стреляют, не слишком долго думая. Поэтому за три месяца шайка потеряла двоих. Одного сразил наповал шустрый старатель. Другой бич повредил в тайге ногу, да так, что заработал открытый перелом. Ни тащить его на себе, ни лечить возможности и желания ни у кого не было, пришлось добить.

Дела делались. Золото копилось. Но однажды Грек понял – время пришло. Они слишком долго дергали удачу за хвост. И он ушел, прихватив свое. Чужое не брал никогда – крысятничество, то есть кражу у своих, считал несмыслимым грехом. Один из немногих грехов, которые он признавал...

Он не знал, как все обернулось на оставленной им заимке. А обернулось все так. Их шайку свободный и удалой местный народ считал бешеными псами и приговорил лиходеев. Собрались старатели, как бывало всегда, всем миром да устроили настоящую охоту. Прошли по следам, просчитали все маршруты, нашли и положили всех без лишних разговоров и жалости. Даже хоронить не стали, бросили зверью на съедение – очень уж сильно злы на них были.

И знать об этой дикой охоте властям вовсе не обязательно. Народ тут десятилетиями на свой страх и риск мыл золотишко, потом сдавал его государству в золотоприемную кассу. После запрета на вольноприносительство в 1951 году сбавивал ушлым скупщикам-ингушам, которые начали скупать приискное золото задолго до Советской власти. Так что государственный закон здесь особо никогда не читали. И вопросы с залетными лиходеями старатель всегда решал сам, без сопливых рассуждений о ценности человеческой жизни. Что при царе батюшке, что в СССР – тайга большая, она все спишет. «Закон – тайга, медведь – прокурор» – это ведь не сегодня сказано и не завтра потеряет смысл...

Грек уходил длинным таежным маршрутом. Знал, что милиция и чекисты не спят и очень внимательно следят за тем, кто приезжает и покидает эти дремучие края, обыскивая людей и транспорт, вытряхивая багаж в поисках золотого песка. Оно и понятно. По их мнению, каждая золотишка должна идти в сокровищницу страны. Но золотишко, оно ведь как вода – через любые преграды и крохотные щели путь свой найдет и утечет тонким ручейком. Мимо них, комиссаров, пройдет, как они ни пыжятся.

– Совдепия, – прошипел Грек, пробираясь по кочкам через бесконечную трясину и проклиная все на свете.

Он ненавидел страну, где родился. Ненавидел людей, рядом с которыми жил. Ему хотелось чего-то большего, чем бескрайние снежные просторы, горбатящийся за станками и на полях бестолковый народ. Ему всю жизнь хотелось воли, а его всю жизнь запирали в камеру.

– Суки краснопузые, – прохрипел он любимое выражение своего отца, относящееся к воцарившейся в России власти.

И надо же, именно после этого восклицания он и провалился в трясины. Чертыхнулся. Дернулся, пытаясь вырваться и сперва еще не веря, что это всерьез. Но жижа не хотела отпустить его. Он еще раз рванулся и замер. С каждым движением трясина затягивала его глубже.

Когда мерзкая жижа подобралась к груди, он вдруг совершенно ясно осознал – а ведь это конец. Ему не выбраться. Это не трясина, а сама смерть сжимает его в своих объятиях. И на этот раз она не отойдет в сторону, не отвернется, как это делала очень часто. На этот раз она заберет его с собой.

Он развел руки, рванулся, но в результате конвульсивных движений погрузился еще глубже. И уже вне себя от сдавившего его ужаса, закричал:

– Помогите!

Но смешны были его призывы о помощи. Способны лишь забавлять дикое зверье, да еще, наверное, нечистую силу, которая наверняка водится в этих проклятых бескрайних болотах. Кричи не кричи, а тут на десятки, если не на сотни километров ни одной живой души.

Грек застонал, грязно выругался, попытался извернуться. С тем же успехом – только погрузился еще глубже.

Его порывы, планы на жизнь, счета, по которым надо заплатить, – все в эти минуты перечеркивалось жирным крестом. Все, нет ни прошлого, ни будущего. Остались только он и трясина.

– Нет! – заорал он.

Разум оставил его, уступив место древним инстинктам. Продолжая кричать что-то нечленораздельное, он отчаянно забился. Извернулся ужом, пытаясь скинуть с себя тяжесть овладевшей им трясинны. Он погибал и должен был использовать свой последний шанс.

– Н-е-ет!

Грек рванулся, зная, что это его последняя попытка...

Лежа на твердой земле, исходя кашлем, он пытался понять, как ему удалось освободиться из плена трясинны... Хотя так и должно было быть. Он всегда выбирался. Из всех трясин. Вот и сейчас – в последний момент уцепился за какую-то скрытую мхом корягу и вытянул свое отяжелевшее тело на берег. Повезло. Схватил фарт. Он вообще фартовый по жизни.

– Рано хороните, суки, – глядя в небеса, обращаясь непонятно к кому, изрек он.

Окончательно придя в себя и вернув способность к ясному мышлению, Грек навел ревизию своих вещей. И она его не порадовала. Ценнейшую часть груза – две трети мешочков с золотым песком, а вместе с ними и ружье взяла трясина как плату за проход. Плату за жизнь.

– Вот тебе бабушка и Юрьев день, – прохрипел Грек.

Золота было жалко до боли. И дело не в том, каких рисков и крови стоило его добыть. Просто Грек любил золото. Любил даже не само по себе, а какую-то его сущность, мерило ценностей, которое оно овеществляло.

Впрочем, горевать долго не приходилось. Надо действовать. Он без ружья в тайге. И ему еще предстоит выбраться на Большую землю и не попасться на глаза органам. А это было нелегко. Главное, дойти до людей. А дальше они обогреют и помогут. Только дойти. Справиться с этой тайгой, давним его врагом.

И он справился. Исхудавший, похожий на болотного черта, вышел к людям, сумел перекрутиться, добраться до Хабаровска. Там у него были кореша, имевшие большие возможности. Его по воровскому закону обогрели, накормили и помогли, чем смогли. Он сбросил часть оставшегося золота, обменяв на рубли и новые документы. И снова вперед.

Он опять остался один на один с бескрайней ненавистой страной. Дикий волк, обезжиренный, голодный, жаждущий добычи. Весь этот мир с его тюрьмами и этапами, уголовкой и участковыми, паспортами и пропиской был против него. В этой гигантской машине, со слов ее водителей, катящейся к вершинам коммунистического рая, не было места лишней шестеренке, которую звали Грек. Но это его не удручало. Он знал, что возьмет от этого мира свое, и людям, населявшим Совдепию, это обойдется дорого.

Куда двигать? В Сибири ему теперь воли нет. Да она ему и надоела. В Москву – рановато, надо немножко в себя прийти, пообвыкнуться. Сейчас ехать в столицу – это голову самому в петлю сунуть. Там слишком силен совдеповский контроль. На запад, понятно дело, надо, но куда именно?

И решил Грек наострить лыжи на Урал. Он не знал, будут ли ему там рады. Но точно знал, что его примут. В его голове, из которой ничего не пропадало, как из надежного банка, хранилось множество адресов и имен по всему Советскому Союзу. Адресов людей, к которым он мог податься...

Нижний Тагил, Магнитогорск, Пермь – этот путь занял не один месяц, накопилось немало дел в тех местах. Но как-то не заладилось у него там.

Однажды апрельским вечером 1964 года он возник на окраине Свердловска на пороге покосившегося деревянного дома, по виду давно не знавшего доброй хозяйской руки, и произнес, глядя на мрачного оторопевшего человека, открывшего ему дверь:

– Здрав будь, хозяин.

– И тебе здоровьица, Грек, – совершенно нерадостно произнес хозяин дома. – Ты ко мне?

– Ну, если примешь гостя.

– Приму. Я же не скурвился, как многие. Я...

– Бедновата хата, – оборвал хозяйские излияния Грек, проходя в комнату. – Но это не страшно. Поправим...

Он поставил фибровый чемодан на пол, без спроса присел за стол и криво улыбнулся:

– Ох, и дел мы с тобой, Куркуль, натворим...

Глава 2

– Василий Васильевич, принято процессуальное решение о вашем освобождении из-под стражи, – произнес Виктор Поливанов сухим официальным тоном. – Следователь сегодня официально объявит.

– Что? – Зубенко непонимающе посмотрел на сидящего напротив него высокого подполковника милиции с жилистыми руками. Костюм на страже закона сидел мешковато, узел галстука был распушен.

Тускло светила лампочка под потолком комнаты для допросов Бутырского следственного изолятора, массивная мебель была прочно прикручена к полу. Зубенко показалось, что и помещение, и мебель как бы качнулись, очертания потеряли какую-то ясность. Будто его выдернули из привычного мира и поместили в какой-то другой. Потому что в его мире подполковник не мог произнести таких слов. В его мире ему, трижды судимому рецидивисту по кличке Зуб, суждено было согнуться в лагерях или быть расстрелянным по приговору суда.

– Следствием доказана ваша невиновность. – Поливанов снял очки и протер их бархоткой – глаза у него были красные, как у давно не высыпавшегося человека.

– Это как? – Зубенко не мог поверить своим ушам.

– Вы что, не рады?

– Это что же получается? – Зубенко встряхнул головой.

– Такие вот у нас кренделя получаются, гражданин Зубенко.

Арестованный ошарашенно глядел на подполковника. Он глубоко вздохнул, пытаясь нащупать связь с реальностью. Нащупал. Уронил лицо в ладони. Плечи его затряслись.

– Вот ведь, – прошептал он. – Как же... Извините.

Когда арестованный немного успокоился, Поливанов продолжил:

– Официальные извинения за арест вам принесет следователь. Ну а я неформально тоже прошу – извините. Мы оказались к вам несправедливы.

– Какие извинения? Спасибо. Если б... Тогда... А кто убил?

– Да местная кастанаевская шпана, – Поливанов немного расслабился, самая неприятная часть разговора миновала. – Поспорили на улице с Хилым по пьяному делу. Тот их на принцип решил взять – я, мол, вор авторитетный, все зоны оттоптал, а вы кто такие. И за финку схватился. А они ему сзади нож в спину. И весь разговор.

– Суки, суки... Порвал бы.

– А вот этого не надо, – строго произнес Поливанов. – Ими займется теперь суд...

История эта началась два месяца назад. В районе частных домов рядом с только что отстроенной многоэтажной Кастанаевской улицей был обнаружен труп с множественными колото-резаными ранами. Убитым оказался неоднократно судимый Андрей Бутыко по кличке Хилый. Приехал в Москву он после освобождения повидать друзей по зоне и погулять от души.

Убийства в Москве не так часты. И подполковник Поливанов, как начальник отдела по раскрытию особо тяжких преступлений Московского уголовного розыска, старался выезжать на каждое. За нераскрытые убийства драли страшно, каждый такой «висяк» – это гарантированная проработка по служебной, да и по партийной линии. Поэтому он старался держать на контроле все. Во всяком случае, насколько позволяли сутки с их двадцатью четырьмя часами.

Дело было ясное. Бутыко по освобождении приехал к своему лучшему другу по последней отсидке Зубенко. Последний освободился два года назад, устроился работать слесарем в трамвайном депо имени Петра Апакова на улице Шаболовка, прописался у жены, с которой у него была шестилетняя дочь. Они получили полгода назад квартиру в новом доме. Но старых привычек Зуб не оставлял. Активно общался с различным уголовным элементом, пользуясь

там определенным авторитетом. Была информация, что одно время он даже приторговывал огнестрельным оружием, но взять на этом его не удалось.

Так совпало, что жена – проводница поездов дальнего следования – укатила в рейс далеко и надолго, дочка жила у бабушки, а у Зуба накопилась куча отгулов, поэтому он был полностью в распоряжении Хилого. Пили они так, что дым коромыслом стоял. Потом появились какие-то потасканные дамы легкого поведения. Водка рекой, доступные женщины – ну как тут без скандала обойтись? Хилый своему тюремному приятелю что-то сказал нелестное, к чему-то там приревновал. Зуб огрызнулся. Померили друг друга матюгами от души. Хилый, человек вздорный и вспыльчивый, пообещал пришить кореша, даже махнул для остротки перед его носом финкой. А потом собрался и с обиженным видом удалился во тьму. Зуб, со слов собутыльниц, отправился следом. Вернулся через некоторое время, промычал что-то невнятное и забылся в пьяном сне.

Когда Зубенко взяли, тот сперва отнекивался. Мол, он честный вор, а не презренный мокрушник. Потом под давлением улик признался в содеянном и просил одно – побыстрее направить дело в суд с учетом чистосердечного раскаянья и отъехать в свой дом – тюрьму.

– Стыдно перед женой, – вздохнул он, когда беседовал с Поливановым, подписав признательные показания. – Я же обещал. А она поверила... И дочка...

А Поливанова с самого начала беспокоили противоречия в деле. Да, у Зубенко была кровь на одежде, притом группа, как у потерпевшего. Но гулящие девки утверждали, что у Хилого пошла носом кровь еще во время пьянки – он сам говорил, что нос слабый, после хорошей выпивки постоянно кровотечение открывается. Локализация пятен на одежде Зубенко какая-то нехарактерная для фонтанирования крови, которое было, когда резали Хилого. Да и обвиняемый путался в показаниях, под конец заявив, что спьяну ничего не помнит, но готов подтвердить все что угодно, лишь бы ему скидка вышла и к стенке не поставили. А такой вариант тоже был. Учитывая количество нанесенных ран, следствие могло расценить преступление как совершенное с особой жестокостью, а это уже расстрельная «мокрая» сто вторая статья, которую уголовники боятся как черт ладана. Орудие преступления тоже не найдено. Зубенко утверждал, что выходил из дома без ножа. Наверное, в ходе конфликта на улице отобрал у Хилого финку, с которой тот с детства не расставался. Где сейчас эта финка? Зуб только пожимал плечами – наверное, выбросил куда-то.

Следователь прокуратуры, старый, опытный, начинавший службу еще в довоенные времена, тоже прекрасно понимал, что в деле не все так просто, и не спешил с направлением в суд.

– Не нравится мне обвинение, – говорил он Поливанову, приняв его в своем крошечном кабинете. – Столько прорех.

– Согласен, – кивал Поливанов. – Не клеится оно.

– Понимаешь, никогда греха на душу не брал. Недаром ведь говорят – все сомнения в пользу обвиняемого. Мы же за совесть работаем. А совесть не простит невиновного осудить, Семеныч.

– Вы правы.

– Снаряди своих сыщиков, пускай еще по окрестностям пройдутся, с людьми переговорят. Должны же быть свидетели какие-то. Иначе у меня душа неспокойна.

– Да согласен я, Сергей Игнатьевич. Все сделаем.

Поливанов снял всех свободных сотрудников отдела и отправил на новую отработку жилого сектора. Удача улыбнулась старшему оперуполномоченному Владимиру Маслову, въедливому, обладающему потрясающей способностью в любой ситуации разговорить незнакомых людей любой социальной прослойки, образования и служебного положения. Он прошелся мелким чёсом по частному сектору, где ждали сноса перед лицом наступающих пятиэтажек старые деревянные дома, и узнал, что в этих трущобах давным-давно вольготно себя чувствует обнаглевшая шантрапа.

– Вон, посмотришь на них – и когда они только работают, – тараторила говорливая бабуся в оренбургском платке. – Бельма зальют и полночи по улице шатаются, к кому задраться ищут. И в ту ночь, что ты, сынок, спрашиваешь, тоже ходили, брандахлысты, скандалили... Тьфу, хоть бы вы их посадили, что ли.

– Обязательно посадим, – заверил капитан Маслов. – Когда найдем за что.

Появилась новая вполне реальная версия. А проверка ее – это дело техники. Маслов пообщался с местными оперативниками уголовного розыска. Узнал, как у них обстоит с агентурой на территории. С этим дело обстояло вполне нормально. Поэтому удалось быстро подвести источник информации прямо к Гусю – заводице этой гоп-компании.

Агент с Гусем выпил, закусил и, будучи человеком опытным, надавил на гордость: мол, скоро вас городские в вашем районе тряпками гонять будут.

– Да мы тут весь район гнем! – возмутился Гусь. – Вон, заявился один. Я вор, кричит. И перо в пузо получил. И где он теперь?

– И ты ментов совсем не боишься? – с уважением спросил агент.

– Я? Их? Ха... Да им бы план, дурачкам малахольным, сделать. Вон, взяли какого-то собутыльника. И довольны... Я здесь главный. Вот этим ножичком козла и запорол. Поэтому со мной не балуй. А наливай-ка еще.

С бодуна после попойки с той самой финкой Гуся и взяли. Оперативники обнаружили следы застиранной крови на одежде в его шкафу. И еще одну финку нашли, хорошую, с наборной рукояткой, которую Гусь у Хилого отобрал и выбросить пожадничал.

Раскололся главный туземный хулиган сразу. Единственное его условие было – чтобы дали опохмелиться. Ну за этим у оперов никогда дело не ржавело. Опохмелиться, чаек, курицево – чего только не дашь человеку, который изъявил желание дать признательные показания.

– Зачем вы вину на себя взяли? – спросил Поливанов у Зубенко, который нервно водил ногтем по крышке стола в комнате для допросов.

– Да мне так гладко все доказательства предъявили, – Зубенко оставил стол в покое. – С одной стороны, я отлично помнил, что никого не убивал. А с другой – прикинул, что мог спьяну и запямятовать. Или просто что-то другое себе надумал. Так что решил раскаться и срок скостить.

– Обвинение-то с вас сняли, гражданин Зубенко. Да только что это меняет? И что, жизнь так и пройдет – пьянки, отсидки, кражи?

– Да хотел завязывать. Жизнь-то вроде наладилась. Семья, квартира. И жене обещал. Она у меня хорошая, все понимает. Но что-то меня опять притягивает ко всему этому. Как железную стружку магнитом, ей-богу. Ну, таким меня природа создала, гражданин начальник.

– Ты человек? – перешел на «ты» Поливанов.

– Ну, человек.

– А человек тем и отличается от обезьяны, что меняет и себя, и природу. Пора тебе окончательно завязывать, Василий. Это ведь последний звоночек. Утянут тебя эти дружки и девки легкого поведения вниз, в черный омут.

– Понимаю, но...

– Сегодня ты никого не убил. А завтра?

– Этого не будет. Я вор, а не мокрушник. И пером махать – это дело глупое, нехитрое и позорное.

– Ну, тогда тебя пришьют...

– Эти могут, – вздохнул Зубенко. – А знаете, после войны меня, беспризорного, блатные пригнали, не дали с голодухи опухнуть. Это как бы моя семья. А семью не выбирают.

– Какая-то не та семья у тебя. Ущербная... Пойми, конец вашим воровским законам настает. Нет у вас будущего. Поэтому надо перестраиваться. Вливаться в общее дело. Страну

вместе со всеми советскими людьми обустраивать. Посмотри, как жизнь к лучшему меняется. А ты...

Зубенко вздохнул:

– Судьба такая.

– Что ты заладил... Припомнишь наш разговор, когда однажды для тебя встанет вопрос выбора. Окончательного выбора.

– Я понимаю. И спасибо...

– Следователя благодари. Он тебе поверил. А мы люди служивые. Нам сказали бежать – побежали и нашли.

– Все равно спасибо.

Эта история оставила у Поливанова двойственное ощущение. С одной стороны, справедливость восторжествовала. Грех не порадоваться, что так удачно все вышло. Все по закону, все в порядке. С другой стороны, не оставляло неприятное чувство. В разговоре с Зубенко чувствовалось, что человек тот не конченный, что совесть у него еще осталась. И все равно цеплялся он за своих корешей, за малины эти поганые, за девок вульгарных, за муть эту всю мерзкую, жить без всего этого не мог. Цеплялся за уходящее навсегда прошлое и готов был остаться в этом прошлом, когда вся страна стремится в будущее. И что с ним делать? Как мозги вправить? Нет на это ответа...

Глава 3

На своем участке, располагавшемся недалеко от центра Свердловска, лейтенант Иванов служил уже больше десяти лет. Работа, конечно, суетная. Наверное, ни у одной службы нет больше пунктов отчетности, чем у участкового. Отвечаешь за все, даже за вывоз мусора. С одной стороны, это утомляет, с другой, наверное, так и надо. Потому что на своем участке ты советская власть. Именно советская, то есть от народа, для народа и близкая к народу – в этом лейтенант был свято уверен и вел себя всегда соответствующе. Именно к тебе идут за помощью. Именно ты можешь окоротить словом, приструнить, а можешь и наказать по всей тяжести закона. Алкоголики, воришки, семейные дебоширы – все на твоей территории, и за всеми ты присматриваешь.

Если к службе относиться добросовестно, то знаешь практически всех на участке. Постепенно у тебя появляются доверенные лица, для старушек на скамейках и для дворников ты становишься своим. И завсегдагаи вырезвители, когда ты появляешься на их горизонте, прячутся по щелям. Пацаны дядей Вовой именуют.

Да, ему нравилась беспокойная работа участкового, которую он не готов променять ни на какую другую. Нравилась сопричастность к жизни многих людей. Он был горд, что может помочь им в трудную минуту. И не было в нем никогда упоения властью, как, к сожалению, бывает у некоторых коллег. Жители относились к своему участковому в целом хорошо, с пониманием и уважением. Конечно, всяко бывало, но все конфликты старался решать по справедливости и как-то по-семейному.

Лейтенант Иванов поздоровался с дворником, который поздно вечером вышел мести асфальт. Судя по всему, тот утром хорошо принял на грудь и весь день отсыпался. Ладно, с кем не бывает, главное, о работе не забывает. Хотя внушение завтра надо будет сделать...

Во дворе пятого дома обычно собираются пацаны в возрасте от десяти до шестнадцати годков. Бывает, папиросы покуривают. Однажды даже за выпивкой их застал, где-то портвейн «Агдам» достали, стервецы, – этого уж спускать нельзя! Но сейчас во дворе никого не было.

В седьмом доме хулиганы проживают – местные знаменитости. Лет под тридцать лбам неразумным, а все как соберутся, напьются, так давай местных жителей или прохожих задирать. Одного из этой компании он уже успел направить на перевоспитание в места не столь отдаленные, сколь малонаселенные. Других пришлось поучить по-свойски, тумаклами – иногда затрещина лучше действует, чем тюрьма. Так что пару месяцев в седьмом доме тишина и спокойствие.

– Саныч, а ну иди сюда, – крикнул Иванов, увидев отирающегося у подъезда седьмого дома местного пожилого пьянчужку.

Тот подошел, виновато тупя взор.

– Что с женой не поделил? – строго спросил лейтенант. – Вон, соседи на вас жалуются. Шумите, спать не даете.

– Так бабы же дуры. Я ей – ты чего, мол... А она... Ну а я... Ну она и в крик. В общем...

– В общем, на пятнадцать суток в следующий раз уедешь. Ты меня понял?

– Да понял, товарищ участковый. Извините... Как выпью, чего-то у меня с головой. Может, врачу показаться?

– Покажись. Только не буянь больше...

Иванов пошел дальше. Взглянул на новенькие часы «Ракета» – их начали выпускать в честь полета первых советских космонавтов в космос. Полдесятого уже. Припозднился на службе, но это дело обычное. Сейчас в отделение, надо сдать, как положено, в оружейную комнату пистолет, который привычно оттягивал пояс. Сколько лет Иванов таскал эту тяжесть, и ни разу не довелось применить. Силушки всегда хватало в руках, чтобы разнимать дебоширов и

задерживать воришек. Да и стрелять по народу, пусть даже подвыпившему, агрессивному или преступному, не каждый сможет. Тоже же ведь люди.

Иванов вышел к проезжей дороге. У автобусной остановки проверил документы у двоих парней – очень их блатные кепочки и вид развязный ему не понравились. По паспортам выходило, что они из области – из городка, где отживающие блатные традиции еще сильны. Выходцы оттуда обычно доставляют немало проблем.

– Чего к нам пожаловали? – спросил он.

– Так из района мы. Там прикупить всякое разное, – затараторил один, у другого глаза бегали воровато. Но при себе вещей никаких нет, так что вряд ли идут с кражи.

Иванов задумался – доставить ли их в отделение для проверки или не стоит? Решил, что оснований для этого особых нет, потому записал их данные в записную книжку, которую извлек из командирской сумки. Завтра в уголовный розыск доложит, может, у оперативников какие вопросы к этим парням и появятся.

– Можете идти, – откозырял Иванов. – И смотрите, не шалить тут.

– Да и в мыслях не было, товарищ лейтенант.

Ну, хоть не гражданин начальник – уже хорошо...

Иванов прошел через узкую лесополосу, вдыхая полной грудью весенний воздух. Веяло свежим запахом цветов. Иногда так бывает – накатит такая волна весеннего запаха, и радуешься, что живешь на земле.

Справа прогудела электричка, простучавшая по полотну железной дороги. Иванов подошел к мосту через «железку». Место здесь глухое, малолюдное, народ обычно переходит в полукилometре отсюда, там всегда толпятся люди и безопасно. Осмотрелся – вроде никто не шалит, пусто. Поднялся по лестнице наверх. И там увидел мужчину в фуфайке, стоявшего, опершись о перила. Он как-то жалобно постанывал.

Иванов присмотрелся – мужчина вроде на пьяного не похож. Направился к нему и произнес требовательно:

– Гражданин.

Человек, продолжая постанывать, присел на колени и произнес едва слышно:

– Плохо мне... «Скорую».

– Сейчас, – участковый подошел к мужчине, чтобы помочь ему подняться. Надо попытаться свести его вниз, к дороге, и доставить попуткой в больницу. – Идти сможете?

– Все могу, – прохрипел мужчина.

И взметнулся резко, очень не характерно для больного.

Иванов ощутил, как в живот тупо ударило. И в шею.

– Я все могу, мусор, – Грек выпрямился во весь рост, крепко сжимая орошенную кровью финку и оглядываясь, – никого вокруг не было. Только Куркуль, затаившийся на шухере, свистнул, подавая знак – все в порядке.

Пальцы Грека расстегнули милицейскую кобуру на поясе лежащего лейтенанта...

Глава 4

Рабочий день у Поливанова начинался с чтения газет. Их он покупал на Петровке, рядом с троллейбусной остановкой, в киоске – такой новомодной стеклянной коробочке со светящейся по вечерам неоновой надписью: «Газеты. Союзпечать». Обычно там обитают седые, приятные в общении киоскерши.

Киоскерша на Петровке Поливанова знала давно. Здравовалась с ним, называя по имени-отчеству. И выдала ему обязательную «Правду» за три копейки, а еще «Труд» за две копейки и «Литературную газету» аж за четыре.

Пройдя мимо постового на проходной, Поливанов зашел в левое крыло здания. Поднялся по многолюдной лестнице. Отпер дверь. Шагнул в свой отдельный кабинет с табличкой: «Начальник отдела по раскрытию особо тяжких преступлений».

Кабинет выглядел старомодно – массивный стол, неизменная настольная лампа с зеленым абажуром. Стулья с высокими спинками. Стены в деревянных панелях. Лепнина под потолком. Не приживалась в МУРе модная легковесная современная мебель с ажурными креслами и хлипкими столами. Зато органично вписывался стиль, идущий еще с Российской империи – тяжеловесный, основательный.

Усевшись за стол, Поливанов пролистнул газеты. Вполне стандартный набор – вести с заводов, полей, зарубежное обозрение. Все как обычно. Стабильное и мощное течение реки жизни огромной страны без каких-либо водопадов, штормов, цунами.

Газетные строчки как-то успокаивали Поливанова. Его вполне устраивала эта привычная и обыденная скука современных газет и новостей эфира. Он ведь отлично помнил, какими могут быть другие новости, когда каждый день приносил новые страшные потрясения. Помнил, как ловил из громкоговорителей и детекторных приемников сообщения Совинформбюро, озвученные мощным голосом Левитана, из которых с отчаяньем узнавал, что Красная армия оставляла города, отступала под давлением превосходящих сил вермахта. Когда день ото дня возникал один вопрос – ну когда погоним супостата? Вот тогда были новости – аж мурашки по коже. И поэтому подполковника милиции вполне устраивал сегодняшний неторопливый ход жизни. Все равно идем неуклонно вперед, несмотря на то, что есть много поводов и для иронии, и для недовольства.

«Механизированное звено Константина Столяра из колхоза „Утес“ в Барановичском районе Белорусской ССР в текущем 1964 году будет выращивать кукурузу на пятидесяти гектарах. Получить с каждого из них не менее 350 центнеров зеленой массы – такое обязательство взяли на себя члены звена».

– Царица полей, – произнес еле слышно Поливанов броское название, данное бойкими журналистами кукурузе, насильно внедряемой даже в северных, совершенно непригодных для нее районах, и перевернул страницу газеты «Правда».

«Лондон. 14 мая. Северная Родезия провозгласит независимость в октябре сего года. Соглашение об этом достигнуто на проходящей в Лондоне конференции представителей английского правительства и Северной Родезии».

«Нью-Йорк. Американцы ежедневно умирают на войне во Вьетнаме, которой не видно конца».

«Первую партию трудящихся – более 1200 человек – приняли санатории и дома отдыха Таджикистана»...

А вот очень позитивный фоторепортаж о космонавтах – Гагарин, Быковский, Терешкова. Космос – это всегда радует, на душе становится как-то лучше, когда видишь светлые лица его покорителей. Наверное, для любого советского человека космонавтика – это дуновение из того самого светлого будущего, за которое гибли на фронтах Гражданской, Великой Отечественной, рвали жилы на стройках и заводах.

Газета «Труд». На первой полосе:

«Продолжается визит руководителя советского государства Никиты Сергеевича Хрущева в Объединенную арабскую республику Египет. 14 мая Н.С. Хрущев и президент ОАР Насер посетили завод антибиотиков близ Каира. Их встречали десятки тысяч ликующих местных жителей, которые скандировали: „Мархаба – Мархаба – Хрущев – Хрущев“, „Милости просим, Хрущев“.

Встреча руководителя Советского государства с рабочими и специалистами завода вылилась в яркую демонстрацию арабо-советской дружбы».

Поливанов взглянул на часы. Без четверти десять. Через пятнадцать минут ежедневное совещание у Лопатина – курирующего заместителя начальника Управления. Рабочий день начинался в десять утра по старой чекистской традиции, когда розыск еще не принадлежал к невнятному ведомству, именуемому Министерством охраны общественного порядка, а входил в Министерство госбезопасности. Одно время вообще работали в лучших традициях НКВД – обыски, задержания только по ночам. Но сегодня такой подход считается пережитком старых времен.

Поливанов встал, подошел к окну, из которого открывался вид на улицу Петровка и заросший деревьями сад Эрмитаж, заложенный еще в 1894 году купцом Щукиным. Когда служба позволяет, там можно вполне сносно отдохнуть – народ благородно прогуливается, играет в шахматы, в летнем концертном зале выступают артисты эстрады. Поливанов помнил времена, когда там пела Клавдия Шульженко, играл джаз Утесова. А недавно выступал талантливый артист легкого жанра Аркадий Райкин. Все это под боком, вот только времени на культ-походы все как-то не хватает.

На столе зазвонил массивный незатейливый черный телефон БАГТА-50 из эбонита на стальной основе, его тяжелой трубкой можно было запросто убить. Советская промышленность, в том числе рижский завод ВЭФ, уже освоила выпуск легеньких разноцветных пластмассовых телефонов, но они тоже не для этого ведомства. Ведомство, постоянно сотрясаемое реформами, тянулось к хотя бы внешним атрибутам стабильности, каковыми являлись старые вещи.

– Поливанов у телефона, – произнес начальник отдела.

– Гражданин начальник, – послышался сбивчивый голос. – Это Зуб.

– Да, – иронично произнес Поливанов. – И какой? Коренной?

– То есть Вася Зубенко.

– Вот теперь нормально, Василий Васильевич, – удовлетворенно произнес Поливанов. – И чем обязан?

– Ну это... Я тут пошукал, как дело было... Ну, в общем, это вы в меня поверили. И вы все раскопали.

– Да это не так важно, кто чего сделал. Мы что, артисты, славой мериться? Все работали.

– Именно вы... Так что за мной должок. Знайте это... Барабанить я на вас не буду, сразу говорю. Но долг свой помню.

– Ну, вот и хорошо, – удовлетворенно произнес Поливанов, не имевший привычки пренебрегать подобными обещаниями, – они могли очень сильно помочь.

– До свиданья, гражданин начальник.

– И вам всего хорошего...

Кладя трубку на рычаг, Поливанов еще не знал, что Зубу вскоре предстоит вернуть свой долг сторицей.

Глава 5

Грек умело разобрал и собрал пистолет, передернул затвор, прицелился в старшего из братьев Калюжных – Толяна, и зловеще прошипел:

– Ну что, трясись, Куркуль.

– Да ладно тебе, – Калюжный заерзал на стуле, пытаясь отодвинуться от стола.

– Приговор выношу как врагу трудового народа, – с этими словами Грек нажал на спусковой крючок.

Куркуль дернулся, выпучив глаза, и чуть не свалился со стула.

– Не бойся, деревня, – хмыкнул Грек, вставляя магазин в рукоятку. – Материальную часть оружия, состоящего на вооружении у ментов и прочих служивых сук, надо знать. Патронов-то в нем не было.

– Ну ты шутить горазд, – Куркуль нервно икнул.

– А ты привыкай, что цена нашей жизни копейка.

– Моей не копейка, – заерпенился Куркуль. – Минимум червонец. Я ей дорожу, жизнью своей.

– Ну и зря. Быстрее сдохнешь, – Грек со стуком положил пистолет.

– Накличешь же, Грек!

– Чем больше над чем-то трясешься, тем быстрее потеряешь. Смерть, она пугливых ищет, – Грек аппетитно хрустнул огромным соленым огурцом исключительно удачной бочковой засолки и с удовольствием крякнул, а потом продолжил любимую тему: – Легко надо идти по жизни, Куркуль. Весело.

Пистолет, которым преступники завладели, убив участкового, теперь лежал на столе среди бутылок водки, стеклянных банок с черной икрой, солений, вареной картошки и другой снеди. Грек уже неделю поил и кормил вдоволь братьев Калюжных, зная, что все расходы окупятся. Братья ели, пили и благоговейно внимали. И почти во всем с ним соглашались. Но вся суть была в том, чтобы они согласились на главное. На то, для чего он их приближал.

– Итак, босяки, поговорим о делах наших грешных, – Грек аккуратно положил на тарелку перед собой надкусанный огурец и внимательно посмотрел на братьев.

– Может, сначала причастимся? – Куркуль кивнул на бутылку водки «Столичная» – дорогая, зараза, аж за три рубля двенадцать копеек.

– Успеется, – отрезал Грек. – Сначала дело, а потом карнавал с медведями и цыганами.

– Ну, давай потолкуем за дело, – нехотя согласился Куркуль.

– Итак, воляна у нас есть. Вопрос, куда применить, чтобы нюх в табачке был.

– Так не старые времена. Стремно как-то, – сказал Куркуль и опустил глаза, встретившись с тяжелым взглядом пахана. – Можно сберкассу подломить. Там хрустов мешки, и уже упакованные.

– Или ювелирный магазин, – мечтательно произнес младший Калюжный по имени Веня и кличке Таксист.

– Эка вас занесло, болезных, – Грек аж цокнул языком. – А чего попроще? Чтобы шуму меньше было.

– Ну, на хавиру к кому – у кого деньги есть, – неуверенно произнес Куркуль.

– Где хавиры с доброй деньгой возьмешь? – скептически сказал Грек.

Тут встрял Таксист:

– Да чего, никто не ворует, что ли? Вон, на автобазе, вор на воре сидит и вором погоняет.

– И у кого можно взять столько, чтобы всем хватило? – прищурился Грек.

– Да ни у кого, – вынужден был согласиться Таксист. – Там народ простой. Украли, пропили.

– Что, вообще в городе нет никого, кто б больше тысячи рублей в руках держал? – напирал Грек. – Не верю... Куркуль – твоя же мысль. Вот и развивай ее – с кого начать?

Куркуль сдвинул брови, наморщил лоб, стал думу думать. На помощь ему пришел младшой.

– Во, я на Шарташском рынке работал, пока меня за ерунду не выперли, – просветлел лицом Таксист. – Там лавка утильсырья была. И до сих пор есть. Ее еврей такой скользкий держит. Фельцман. Он лет пять назад директором этого рынка был, потом его подвинули, и он на теплое местечко уселся. Мы ему шкаф такой здоровый, помню, домой привозили. Чуть жилы не надорвали. А он по рублю заплатил, кулак недобитый... Такой несчастный с виду, вечно приbedняется. А мужики говорили, он миллионер подпольный... Читали «Золотой теленок»? Это книга такая по разводилово всякое, – Таксист, бывало, на досуге почитывал журналы и книги, и въедались они в его память намертво. – Корейко там такой был. Миллионер. Тоже приbedнялся. А у самого чемодан заныкан был, полный валюты.

– Что, на утильсырье твой еврей миллион заработал? – насмешливо спросил Грек.

– Да не только. Года два назад дело большое было. Лютовал ОБХСС. Расхитителей по всему городу собирали – во вторчермете, в горторге. И Фельцмана тогда тоже заарестовали. Но он как-то соскочил. Может, сдал кого-то. Может, с ментами договорился. Или настолько хитрый, что выскользнул. Но в делах он этих по уши завязан был. Буржуй.

– Мы на горе всем буржуйам мировой пожар раздуем, – без особого энтузиазма процитировал Грек стих Маяковского – он тоже любил почитывать книги из тюремной библиотеки. В местах лишения свободы администрация никогда не мешала приобщаться зэкам к прекрасному, надеясь, что это излечит очерствелые души. С Греком этот трюк не сработал – только появилось желание вернуть иногда поэтическую цитату. Вообще-то он наслышался много сказок про богатых евреев и не слишком им верил.

– Во-во, – кивнул Таксист, заметив, что собеседник не слишком бодро воспринял идею. – Но это еще не все. Его тесть Лева Иткин – главный еврей во всем Свердловске был. И со всех евреев деньги собирал, да еще копил всю жизнь – хотел синагогу построить.

– Построил? – спросил Грек.

– Разрешение не получил. А недавно помер. А деньги на синагогу зятю достались.

– Это уже теплее, – оживился Грек. – Сколько возьмем?

– Ну, тысяч десять тугриков это только для разогрева. А так и тридцать мог поднять. И больше.

– Новыми? – недоверчиво произнес Куркуль.

Реформа шестьдесят первого года убрала один нолик на купюрах, но даже по старым деньгам, в общем, тридцать тысяч была цифра неплохая.

– Конечно, новыми, – взорвался Таксист. – Новыми рублями. Не копейками – рублями. Десять тысяч.

– Где и с кем еврей живет? – спросил Грек.

– На улице Крылова. Жена еще с ним – но она не опасна. Даже взвизгнуть не сможет, еле дышит – астматик и сердечник. И дочка десяти лет. Волыну увидят, сразу обгадятся и все накопленное нечестным трудом выложат.

– Это ты с евреями мало дела имел, – усмехнулся Грек. – Некоторые умрут, а свое добро не отдадут.

– Отдадут, если хорошо попросим, – нахмурился Куркуль, в глазах на миг вспыхнул алчный недобрый огонек.

– Мысль дельная, Таксист, – подумав с минуту, вынужден был признать Грек. – А что за хавира у него?

– Домина такой в районе частной застройки. Небольшой дворик, сараюшка с дровами. Один этаж. Дверь входная на улицу выходит.

– И как ты к нему заходить собираешься, чтобы при этом всю округу не переполошить? – спросил Грек.

– Ну, там вокруг домов мало, – пожал плечами Таксист. – Место тихое.

– Штурмом брать? – удивился Грек. – Как крепость?

– Представимся кем-нибудь, – подал голос старший Калюжный. – Из собеса или горгаза.

Мало ли.

– С твоей фотокарточкой, Куркуль, только собесом представляться, – хмыкнул Грек. –

Мол, новый отдел по уничтожению старушек.

– Морда как морда, – обиделся Куркуль. – Не хуже других.

– Нет, не пойдет. Надо думать.

– Есть у меня полезный знакомец, – задумчиво произнес Куркуль. – Погоняло Заводчанин. Из фраеров, правда. Но деньги любит. Больше, чем родную маму. На все за них готов.

– И как он войдет в дом? – не понял Грек.

– Он войдет, – заверил Куркуль. – Найдет ксиву нужную. Пройдоха, каких еще поискать.

– Ну-ка, расскажи подробнее.

Выслушав и обдумав предложение, Грек подытожил:

– Ладно, Куркуль, прокатись к своему пройдохе. Только сначала осторожненько его пощупай. Если увидишь, что он готов, тогда излагай предложение. Только когда согласится и ты увидишь, что он наш, веди сюда. Будем все вместе думать, как дельце обтяпать.

– Ну а сейчас можно выпить? – спросил Таксист, жадно глядя на бутылку.

– Гуляй, босота, – Грек встал, вытащил из своего объемистого рыжего портфеля бутылку шампанского. С шиком откупорил, так что пробка окончательно расколотила уже давно треснувший плафон старой люстры, и налил себе полный стакан шипящего напитка.

Остальные присосались к водке. И были намерены безжалостно ее уничтожить.

Вечер задался на славу...

Глава 6

Ночь была бессонная. Позавчера Поливанов через своего агента получил информацию на шайку-лейку, занимающуюся кражами текстиля и продуктов питания с железнодорожных складов. У воров был в распоряжении грузовик «ГАЗ-51» грузоподъемностью две с половиной тонны, на нем они свободно вывозили большие объемы наворованного добра, разбрасывая его по своим московским и подмосковным домишкам.

Одного жулика взяли по месту прописки в бараке около Астрадамского поселка у Тимирязевского леса на самой окраине столицы. Еще двоих в Подольске. Трех искали по всей Москве, но в итоге тоже задержали. Раскололись все быстро. И пришлось еще ночь потратить на обыски, описание и транспортировку вещественных доказательств, то есть похищенного, которого набралось на три машины. Поливанов вполне мог скинуть все заботы на подчиненных, но принципиально никогда себе такого не позволял.

Сейчас все воры в камере предварительного задержания. Сотрудники отдела по раскрытию особо тяжких преступлений и отдела по борьбе с кражами социалистической собственности выдавливают из них по капле другие эпизоды преступной деятельности. На сегодняшний момент этих эпизодов набралось двадцать четыре. Достойная цифра. С одной стороны, задержание такой активной группы – хороший результат работы оперативного подразделения. С другой – возникает резонный вопрос: как дали этой шайке действовать свободно три года? Куда смотрели компетентные органы?

Поливанов отоспался до двенадцати дня. Плюнул на то, что ему дали день отгула, и отправился на Петровку, 38. Там его привычно закрутила текучка. Созвонился со следователем прокуратуры. Провел совещание, на котором узнал у сотрудников результаты проведенных мероприятий по делам и наметил следующие. По убийству на Никитской – там надо резко активизироваться, такое простое с первого взгляда дело грозило зависнуть. Тяжкие телесные на шоссе Энтузиастов – уже раскрыто, но слабовато с доказательственной базой. Тоже надо подработать.

На совещании звучали адреса – Остоженка, Фили, Арбат. Для потомственного москвича это были как слова песни. Улицы огромного родного города, живущего своей насыщенной, правильной жизнью. И Поливанова всегда коржило от мысли, что ее портят какие-то поганцы. Они как кляксы на страницах доброй красивой книги. Давно он уже утратил былой юношеский максимализм и понимал, что не сможет уничтожить ни ту чернильницу, ни то чернильное перо, которое ставит эти кляксы, – преступность полностью ликвидировать если и удастся, то не в обозримом будущем. Но выводить эти кляксы и поддерживать чистоту страниц у него получается очень даже неплохо.

После совещания Поливанов пробежался глазами по сводкам происшествий. Ничего для себя интересного не обнаружил. За сутки ни убийств, ни тяжких телесных повреждений, ни изнасилований.

Пообедал в столовой в здании Управления, которую недавно, на радость сотрудникам, шерстил районный отдел БХСС, после чего готовка и ассортимент заметно улучшились.

После обеда его вызвали в бюро пропусков в правом крыле здания. Начальника отдела МУРа хотел видеть вор, которого два года назад пришлось отправить в места лишения свободы. Тот только освободился условно-досрочно за хорошее поведение. Был полон стремлениями забыть о преступном прошлом навсегда. Но не тут-то было – натолкнулся на преграду.

– Помогите устроиться, Виктор Семенович, – попросил раскаявшийся вор, опасливо озираясь на многочисленных людей в милицейской форме. – Брать не хотят на работу слесарем в таксопарк – говорят, ранее судимый, ненадежный, своих несунув хватает.

– Посмотрим, чем помочь вашей беде, – пообещал Поливанов.

Пришлось звонить в Третий таксомоторный парк на улице Вавилова. Напрямую директору, которого он знал по случаю.

– У него пятый разряд слесаря и руки золотые, – говорил в трубку Поливанов. – И желание жить по-человечески.

– А воровать начнет? – вздохнул директор.

– Тогда опять посадим. Но нельзя отбирать у человека надежду на лучшее.

– Хорошо, – со скрипом согласился директор. – Завтра пусть приходит в отдел кадров.

Уже под вечер у Поливанова освободилось время для работы с бумагами. Как всегда их накопилась пухлая папка. Запрос в исправительно-трудовую колонию строгого режима в Мордовии на установление связей фигуранта, разрабатываемого по разбойному нападению. Поставить подпись под ответом на запрос из Министерства охраны общественного порядка Армянской ССР. Два года назад было уничтожено союзное министерство и остались отдельные, не подчиняющиеся друг другу республиканские структуры. Отсутствие единого контролирующего органа вызывает определенную напряженность в переписке, общении и координации. Растет бюрократия, бумаги. Этот реформаторский шаг иначе как непродуманным, а то и более грубо, назвать было нельзя. Да и название какое-то нелепое – ООП. С самого начала оно заняло достойное место в байках и анекдотах. Типа – железнодорожный отдел охраны общественного порядка теперь называется ЖОООП. Да и помимо этого, такое в деле борьбы с уголовной преступностью накрутили – похлеще кукурузы вышло. Чего стоят хотя бы заявления высокопоставленных лиц, что в скором будущем милиция вообще не будет нужна, народ сам станет бороться с бандитами под победным знаменем добровольных народных дружин. Результат от всего этого шапкозакидательства и непродуманного реформаторства определенный был – Поливанов ощущал, что криминальное напряжение растет, преступность местами снова начинает поднимать голову. Пока ей по этой голове еще есть кому бить. Ну а завтра что будет, когда исчерпается запас прочности, заложенной еще старой правоохранительной системой?

Закончив с запросами, ответами, Поливанов ознакомился с агентурными записками. На одной написал: «Проверить срочно и доложить». На второй: «Проверить информацию, в случае подтверждения принять меры к возбуждению уголовного дела и задержанию».

После этого спрятал папку в массивный старорежимный сейф – завтра с утра раздаст бумаги исполнителям. Уселся в кресло, вытянув под столом ноги. Настенные часы показывали девятнадцать тридцать. Зевнул сладко. И понял, что делать больше нечего.

И в воздухе будто образовалась пустота.

Включил радио «Маяк», которое было создано в этом году и звучало теперь на втором канале абонентских радиоточек. Оно отличалось большей информативностью, оперативностью и меньшей заформализованностью. Каждые полчаса там шли новости. Зазвучал торжественный голос диктора:

«Сегодня состоялся пуск первой очереди Асуанской плотины. На празднование этого события в Египет прибыл председатель Совета министров СССР Никита Хрущёв. На торжественном митинге Хрущёв зачитал указ о присвоении президенту Египта Насеру звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали „Золотая Звезда“. Ранее Никите Сергеевичу Хрущёву была вручена высшая награда ОАЭ. Это значительный этап в укреплении арабо-советской дружбы».

– Вот же твою ж мать, – вслух выругался обычно сдержанный Поливанов.

Расслабленность слетела с него. Известие покорило. Особых подвигов во славу Советского Союза у идеологически гибкого порой до неприличия и слывущего мастером политической эквилибристики лидера Египта не имелось. А цену орденам, особенно Золотой Звезде, Поливанов знал по войне отлично. И, по его мнению, цена эта куда больше сиюминутных политических выгод. Впрочем, в последнее время его мало что удивляло. Дорогой Никита Серге-

евич Хрущёв много чего учудил малопонятного, а то и неприемлемого в стране. Да что говорить, много в последнее время такого, что откровенно по-дурацки делается. Вслух, конечно, Поливанов, как дисциплинированный член партии, не скажет ничего. Но осадочек-то никуда не денется. Порой ему казалось, что рулевой, держащий в руках штурвал корабля Советского государства, не всегда ясно представляет, куда и как рулить...

От неприятных мыслей его отвлек заработавший динамик внутреннего оповещения. Время от времени он звучал как глас божий – то призывал опергруппу на выезд, то, что гораздо реже, объявлял тревоги в рамках каких-то учений, то кого-то звал к начальству.

– Товарищам Лопатину, Ганичеву, Маслову и Поливанову срочно прибыть к начальнику МУРа. Повторяю...

Глава 7

Главное умение пожарного – это спать. Во всяком случае, в народе об этом ходит немало анекдотов.

Вот один из них. Пожарная вышка, спят двое пожарных, молодой и пожилой. Молодой, проснувшись, спрашивает:

– А правда, есть такая работа, где ничего делать не надо?

– Ох, не лень тебе еще и разговаривать?

Вот так в народе и думают. Мол, все равно им заняться нечем. Вон, спи да листай журнал «Пожарное дело», которого в дежурной части целые пачки за все года. Завалилась даже пара дореволюционных номеров.

В общем-то, старший лейтенант Савельев был совсем не против, если бы все так и обстояло. Когда огнеборец, как их иногда пафосно называют в том же «Пожарном деле», спит, значит, не горят квартиры и фабричные корпуса. Не задыхаются в дыму люди, не в силах выбраться из пылающих помещений и погибающие страшно, как на костре инквизиции. Не сгорает имущество на миллионы рублей, которое так нужно строящейся, растущей стране. Так что сон пожарного – это индикатор спокойствия города.

Вот только, к сожалению, бывает он не так часто, как хотелось бы. Выезды, выезды, выезды. Каждое дежурство обязательно что-нибудь случается. Окурок у заснувшего пьяницы – в результате сгоревшая квартира. Поджог урны малолетними шалопаями – и огонь запросто может перекинуться на деревянные постройки. Короткое замыкание – и угроза того, что дотла выгорит склад древесно-стружечных материалов.

У пожарных много уровней тревоги. Самое страшное – пожары категории сложности «Вызов пять». Это что-то типа пожара на нефтебазе, как в позапрошлом году, когда положение сложилось чрезвычайное, погиб начальник службы пожаротушения. Такое тоже бывает. Огонь – это стихия, которая не щадит никого.

Так что, с учетом изложенного, Савельев больше всего любил спать на работе.

С другой стороны, звук тревоги – это адреналин в крови, риск и азарт. Он боролся с огнем не на жизнь, а на смерть, как его отец с фашистами под Ржевом. Разбушевавшийся огонь был врагом. И Савельев ощущал себя в такие моменты нужным и востребованным. Знал он, что не зря появился на свет, когда в позапрошлом году вытаскивал из пожара, уворачиваясь от обваливающихся балок, двоих маленьких девочек. И когда в последний момент предотвратил взрыв бытового газа, готового снести многоэтажный дом. И всегда было в итоге пьянящее чувство победы. Но бывали и поражения, каждое из которых тяжелой гирькой падает в хранилища памяти.

Тем, кто не обладает бойцовскими качествами и обостренным чувством долга, в их работе делать нечего. Бывает, люди трусят, уходят. Например, Семен Пешкин – образцовый офицер, весь с иголочки, вытуженный, хоть сейчас на парад. Только вот беда – он под любым предлогом уклонялся от выездов и дежурств. А как-то пришел к командиру и покаялся – не могу, боюсь. Сейчас он пожарный инспектор, обслуживает промышленные предприятия, вполне на своем месте, все у него в порядке, по строгости, вот только бывает иногда ему стыдно за свою слабость. А зря. У каждого свое место в жизни.

Отгорел закат, посинел и почернел вечер, превратившись в ночь. Савельев клевал носом, сидя за своим командирским столом. Потом пытался вчитываться в стихи лежащей перед ним брошюрки «Антология современной поэзии». Честно попробовал освоить известного московского поэта Вознесенского. Вон, стих называется «Рублевское шоссе».

Мимо санатория Реют мотороллеры. За рулем влюбленные – Как ангелы рублевские.

Голову сломаешь. Где это такое Рублевское шоссе? Что за название – от рубля, что ли? И что там за ангелы живут? Нет, это не по нему. Надо еще что-нибудь, более бодрящее, чтоб в сон не тянуло...

Не так чтобы Савельев слишком любил поэзию. Но не разбираться в ней, особенно в современных поэтах, ныне считалось позором. Во всяком случае, Катя, студентка четвертого курса пединститута и, как он считал, его законная невеста, неоднократно талдычила, что это питекантропам поэзия не нужна была, они в основном жевали, челюсти развивали. А цивилизованный человек без поэзии не человек. И таскала его на студенческие поэтические сборища, ставшие теперь столь модными, где читали стихи и спорили до хрипоты на какие-то отвлеченные темы. Пусть Савельев атлет и спортсмен, двухпудовыми гирями играет, будто они пластмассовые, подковы гнет, но сейчас времена не те – девушки все больше любят не здоровенных и румяных, а умных и говорливых, в чем он неоднократно убеждался. Вот и пытался постигать поэзию. И, надо сказать, иногда это занятие ему нравилось.

Перелистнув без всякой жалости Вознесенского, он наткнулся на Ярослава Смелякова:

Если я заболею,
К врачам обращаться не стану,
Обращаюсь к друзьям
(Не сочтите, что это в бреду):
Постелите мне степь,
Занавесьте мне окна туманом,
В изголовье поставьте
Ночную звезду...

Ну что, нормально так человек написал. Пробирает насквозь. Надо запомнить и Катю завтра поразить – чтобы она не считала его питекантропом и относилась к нему чуть посерьезнее.

Ну что, дежурство, кажется, удалось. Ночью тревоги бывают редко. А утром смена. И домой. Завтра свидание. А там он блеснет этим Смеляковым.

От морей и от гор Так и веет веками, Как посмотришь, почувствуешь: Вечно живем. Не облатками белыми Путь мой усеян, а облаками. Не больничным от вас ухожу коридором, А Млечным Путем...

Да, вот это стихи. Вся жизнь и смерть, как в капле воды, в них сведена...

Звук тревоги всегда бьет по нервам, сердце замирает, а потом начинает барабанить. По телу пробегает нервная волна. Наверное, те, кто выдумывал этот сигнал, и рассчитывали на такую реакцию.

– Расчет на выезд, – послышался усиленный динамиком голос диспетчера. – Возгорание по адресу улица Крылова, восемнадцать.

В действиях команды все отлажено до автоматизма. Недаром командир военизированной части пожарной охраны подполковник Горелов гоняет подчиненных безжалостно и не дает спуска. Каждое движение точное, каждый боец знает свой маневр. Огнеборцы выскакивают, прилаживая на ходу широкие брезентовые пояса, кислородные приборы, защитные каски – все сидит как влитое. Экипажи распределяются по машинам.

Каждое движение в ритме с движениями других. Все действуют в едином порыве. И ощущение единства, плеча друга – это результат не только тренировок, но и многочисленных боевых выездов. Савельев кожей ощущал каждого подчиненного, знал, что они тоже чувствуют его, ловят на лету приказания. Потому что ценой этой слаженности является порой жизнь – твоя или того, кого ты должен спасти.

И вот уже мчатся красные мощные «ЗИЛы» по улицам Свердловска, подвывая сиреной и пропарывая насквозь ночь. И Савельев видел в этом их движении что-то стремительное и романтическое. Так космические корабли летят в бездну, в неизвестность.

«Стоп, – прервал поток эмоций Савельев, сидевший в кабине машины. – Что-то совсем расчувствовался. Впереди работа. Просто работа. А о романтике пускай пишут журналисты и поэты».

Район был хорошо известен. Двухэтажные деревянные бараки и одноэтажная частная застройка. Двинутые ватманскими листами градостроительных планов, идут вперед экскаваторы и бульдозеры, старые дощатые домишки вытесняются новостройками. Но деревянный город не желает сдавать свои позиции. Хотя и понятно, что шансов в борьбе с современной застройкой нет. Когда-нибудь здесь вознесутся пяти- и девятиэтажки. Которые, кстати, горят гораздо меньше и не с такими страшными последствиями. Но это будет в скором будущем... А сейчас пока еще коптит здесь печное отопление. Искрит старая проводка. Вспыхивают примусы и всякие прочие керогазы. Здесь сплошные источники повышенной опасности. И еще – если такая хибара задымит, то огонь запросто может перекинуться на соседние дома. В прошлом году в таком районе сгорело несколько участков, пожар был виден со всего города.

– Опять частники балуют, – сказал старший сержант Витя Торопов, втиснувшийся третьим в просторную кабину пожарной машины.

– Наше дело тушить, – отмахнулся Савельев. – А вот и наш дом!

Пожар выдался прямо на загляденье. Как-то слишком хорошо горел этот солидный деревянный дом с высоким забором.

Водитель врезал по тормозам. Красный «ЗИЛ» застыл, тяжело качнувшись своей массой. Сзади остановилась вторая пожарная машина. Забегали бойцы расчета, разворачивая шланги и занимая самые выгодные позиции.

– Очень бодро горит! – крикнул Савельев. – Как бы там легковоспламеняющихся веществ не было или газа!

– Разберемся, – кивнул Торопов. – Наше дело маленькое – знай лей раствор.

Из брандспойтов вырвались упругие струи, сбивая огонь. Тот отступал, огрызаясь, атаковал вновь.

Опять заработала сирена – это появилась «Скорая помощь». А затем и милицейский, какой-то игрушечный по сравнению с пожарными мастодонтами, «Москвич-407» с громкоговорителем на крыше.

Отличная выучка команды сработала и на этот раз. Дом был погашен быстро. Перекрытия не успели обрушиться. Хотя изнутри коробка выгорела полностью.

Все, закончено. Сложность уровня «Вызов один» – для ликвидации пожара хватило имеющихся сил на двух пожарных машинах. Враг выбит с занятых позиций. Огоньки погасли. Место пожара освещалось перекрестными лучами прожекторов «ЗИЛов».

Ночной пожар – зрелище фантастическое. Даже потушенный. В лучах прожекторов клубится дым и пар. Кажется, что перед тобой другая планета из так любимой Савельевым фантастики. Вон, как в фильме «Планета бурь» про экспедицию на Венеру.

Савельев перевел дух. Оставалось самое неприятное и пугающее – установить судьбу людей, которые находились в здании. Обычно погорельцы толкуются рядом с домом, причитая и давая указания, так что их приходится отводить за периметр. Только сейчас такого шума не было, если не считать пары любопытных соседей. Это могло означать, что дом был пустой и никто не пострадал. Но велика вероятность и того, что жильцы мертвы. При мысли о последнем варианте по коже пробежал холодок. Сколько он работает, а не может привыкнуть к гибели людей. Не наработал еще достаточного запаса профессионального цинизма.

Дым начал развеиваться. Сержант Торопов, осматривавший пепелище, подбежал и доложил:

– Жильцов нет!..

Савельев испытал облегчение. Сегодня ему не быть свидетелем еще одной трагедии. И вдруг он обратил внимание, что в одном месте в доме дым продолжал клубиться.

– Вон, посмотри, – сказал он Торопову. – Что там? Не подпол?

– А кто ж знает. Очень может быть.

– Пошли, проверим.

Там действительно оказался подпол. В свете фонарей боец зацепил багром и откинул тяжелый люк, после чего дым повалил еще больше.

Савельев достал из сумки гофрированный шланг с загубником, натянул на лицо маску, попробовал ногой на прочность лестницу, начал спускаться вниз, в подвал. Луч мощного фонаря выдергивал из тьмы фрагменты действительности.

Савельев застыл как соляной столп. Голова закружилась, сердце кольнуло. Все эта проклятая нехватка профессионального цинизма.

Подвал был завален телами. Шесть тел! Без всяких признаков жизни.

Савельев поднялся по лестнице, яростно сорвал маску:

– Там целое кладбище. Шесть человек!

– Мертвы? – мрачно осведомился Торопов. – Может, кто жив?

– Связаны веревкой. Убиты.

Глава 8

Не любил Поливанов такие неожиданные вызовы к большому начальству. Тут два варианта. Или выволочка за какие-то нарушения, без которых ни одному оперативному сотруднику жить до сей поры не удавалось. Или в городе произошло что-то настолько серьезное, что начальник МУРа решил проинструктировать лично.

Подполковник нехотя поднялся. Поправил перед зеркалом галстук, пригладил сильно поредевшие после сорока годков волосы. Нацепил очки на нос, став после этого похожим на какого-нибудь доктора наук. И вышел из кабинета.

Он прошел по опустевшим просторным коридорам Управления. За лифтом спустился по лестнице на третий этаж. И очутился в приемной перед знаменитым кабинетом, в котором в разное время обитали люди, по большей части ставшие легендами уголовного розыска. Любопытнейшая история начальника МУРа – это история службы. Это славные дела. Это приобретения и потери. Это жизнь целых поколений оперативных работников.

В приемной уже собрались все, кого вызывали, – заместитель начальника МУРа Лопатин, старший оперуполномоченный из разбойного отдела Ганичев и капитан Маслов из поливановского отдела.

– Проходите, пожалуйста, – улыbnулась вечно доброжелательная и приветливая секретарша начальника МУРа. – Анатолий Иванович ждет вас.

Кабинет начальника МУРа по обличию не сильно отличался от того же кабинета Поливанова. Такой же тяжелый имперский стиль. Только все побольше, подороже, посolidнее. Тяжелые шторы были закрыты – хозяин кабинета любил полумрак. Зеленая лампа бросала призрачный отсвет на резную антикварную мебель и дубовые панели. Длинный Т-образный полированный стол. Глушащий шаги толстый ковер. Огромный сейф с львиными головами. Книжный шкаф, плотно заставленный книгами – в основном юридическими. Бюст Дзержинского на деревянной тумбе. Портрет Никиты Хрущева на стене.

Поливанов присел с краешка стола, положив перед собой толстый блокнот и остро отточенный карандаш.

Подтянутый, в сером, ладно сидящем костюме, начальник МУРа Анатолий Волков поздоровался с каждым за руку и пригласил присаживаться.

Волков был относительно молод и ощущал на себе груз ответственности – он должен соответствовать своим предшественникам. Тому же нестигаемому Рудину, каленым железом выжегшему бандитизм в Москве во время войны. Уникальному сыщику Парфентьеву, возглавлявшему почти десять лет московский розыск – на его плечи легла и амнистия пятьдесят третьего года, и нелегкий период реформирования ведомства. Подчиненные считали, что Волкову удавалось держаться на уровне – сыщик он хороший, к тому же обладающий тактическим и стратегическим мышлением, и еще абсолютно бесстрашный. Так что его уважали. Он был трудоголик – казалось, дома вообще не бывает, и в любой момент его можно застать в кабинете или на выезде. Прошел все ступени работы, ловил и карманников, и убийц. Слово его стоило дорогого.

– В Свердловской области совершено преступление, относящееся к категории из ряда вон выходящих, – устало произнес Волков. – К сожалению, нашим товарищам не удалось его раскрыть. Принято решение направить в Свердловск под управлением ответственного сотрудника Управления милиции министерства четверых наших наиболее опытных работников. К которым относятся все присутствующие.

Начальник МУРа изложил подробности преступления. От его сжатого рассказа у Поливанова, привыкшего ко всякому, неприятный холодок пополз по позвоночнику.

– Мне звонили из Центрального комитета партии, – Волков поднял палец, будто указывая на небеса, что, впрочем, так и было – звонок начальнику МУРа из ЦК КПСС, где вершатся судьбы страны, да и всего человечества, – это событие действительно значительное. – Настоятельно просили приложить все силы, чтобы покарать виновных. Я хочу, чтобы все поняли – это дело еще и идеологического характера. В стране победившего социализма не может быть подобных преступлений. Не имеют права такие выродки ходить по нашей земле. Жить в нашей стране.

Он упор делал на слово «нашей», притом без пафоса, искренне. Поливанов был согласен с начальником МУРа полностью – в его стране не может быть таких дел. И если случилось такое, то хоть что делай, а нужно восстанавливать справедливость.

– Бригаду возглавит мой заместитель полковник Лопатин. Его правая рука – подполковник Поливанов... Понимаю, товарищи, трудно будет. Чужой город, незнакомый контингент. Но опыт и традиции нашей организации – это не пустой звук... Агитировать долго не собираюсь, – заключил начальник МУРа. – Командировочные получите в бухгалтерии, там вас ждут. Забронированы билеты на скорый поезд на одиннадцать тридцать вечера – есть время добраться до дома и собрать вещи. Если нужна служебная машина, обращайтесь. Жду с результатом, коллеги. Не подведите.

– Не подведем, – сказал Поливанов, не любивший давать голословные обещания, но сейчас уверенный – действительно, они не подведут.

То же самое он сказал, когда под Прохоровкой танк под его командованием пошел на прорыв. И прорвался. И сейчас прорвемся...

Глава 9

До Свердловска добираться чуть больше суток. Замначальника МУРа Лопатин и представитель Управления милиции МООП РСФСР полковник Сидоров с комфортом обустроились в мягком вагоне, где бархатные диваны, кисточки на шторах и чай разносят настырно и безостановочно. Остальным был положен обычный купейный вагон, что, впрочем, тоже неплохо. Поливанов был этому только рад – заместитель начальника МУРа характером обладал педантичным и строгим, любил всех строить по струнке, чем, естественно, не вызывал особых симпатий у подчиненных. Порфирия Ивановича Сидорова, второго по должности человека в системе уголовного розыска РСФСР, Поливанов до этого момента видел пару раз. Тот был уже в летах, по слухам – отличный организатор и в быту абсолютно бесконфликтный человек. К подчиненным относился ровно и добро, но требовал выкладываться на двести процентов, что, впрочем, никого не пугало. МУР всегда и работал на пределе сил и за пределом. Так что с представителем Управления милиции МООП РСФСР, скорее всего, все сложится нормально.

– Провожающих просим покинуть вагон. – Через пять минут после этого объявления поезд так мягко тронулся с места, что казалось, это перрон пришел в движение. Праздничные башенки Казанского вокзала поплыли назад.

Проводница прошла по вагону, собрав билеты. После чего пассажиры принялись обустроиваться в купе, где им предстояло ехать больше суток.

Владимир Маслов забронировал себе верхнюю полку. Поливанова, с учетом возраста и начальственного статуса, уговорил на нижнюю.

– Вам, как аксакалу, тоже исключительно нижняя полка положена, – принял Маслов за Ганичева.

Ганичев на самом деле был старше всех в группе. В прошлом году ему стукнуло пятьдесят, хотя по нему и не скажешь – слишком уж энергичен и эмоционален. Был он широкоплеч, невысок, лыс, с кустистыми сросшимися бровями и чем-то смахивал на Соловья-разбойника из фильма «Илья Муромец». Начинать он службу в милиции еще до войны – постовым, потом участковым. В войну нашел себя в СМЕРШе, и от многих тогдашних привычек не мог отвыкнуть до сих пор. В МУРе начинал в легендарном отделе по борьбе с бандитизмом, сейчас гонял разбойников. Был он личностью широко известной в узких кругах, где-то даже эпической. Как Василь Иваныч Чапаев, он больше предпочитал не аналитическую работу, а кавалеристские наскоки и грубый нажим. Надо отдать должное – задержанных он шелкал как орехи.

Маслов принял, пыхтя, запикивать в пространство под потолком здоровенный уродливый чемодан из модного синего кожзаменителя с непонятно зачем прилепленными металлическими уголками, да еще подозрительно распухший.

– Вован, – хохотнул Ганичев, глядя на его мучения. – Зачем тебе такой большой чемодан?

– Да это разве большой чемодан? – делано удивился Маслов, у которого были одесские корни. – Вы таки не видели больших чемоданов.

– Он в нем задержанных возит, – хмыкнул Поливанов.

– Ну разве много задержанных можно поместить в такой чемодан? Так... Нет, товарищи подполковники, в нем всего лишь партикулярная форма одежды. Неизвестно, на сколько едем. И немножко книжек, поскольку после того, как я научился читать, не могу избавиться от этой дурной привычки. И таки там немножко еды.

– На всю командировку, – кивнул Ганичев.

– Да только на завтра.

– А вагона-ресторана не хватит? – не отставал Ганичев.

– Нам рестораны не по зарплате.

– А куда ты деньжищи деваешь?

– Купить нейлоновую рубашку и болоньевый плащ – вот и плакали все денежки. Сыщик должен выглядеть как денди лондонский.

– Уважаю, – кивнул Ганичев.

– И вообще, не вижу повода не отметить наш отъезд, – Маслов выразительно кивнул на свой чудовищный чемодан, который пока так и не запихал наверх.

– Нам сухой закон Лопатин прописал, – объявил Поливанов.

– А сам сейчас с Сидоровым пьет коньяк, – кивнул Маслов. – Чтоб мы так жили, как они прибудняются. Сатрапы. За это ли боролись?

– Кончай трепаться, – махнул рукой Поливанов. – Спать пора.

– Вот я вижу в этом несправедливость бытия, – завел очередную песню Маслов, открывший свой чемодан и выудивший оттуда тряпичную сумку с припасами, которую водрузил на столик. – Наши конструкторы создали самый первый в мире и самый надежный реактивный пассажирский самолет «Ту-104». И почему мы должны сутки трястись в этом устаревшем виде транспорта?

– Вот будешь генералом – будешь летать как птица. А пока на каждого сыщика самолетов не напасешься, – емко описал ситуацию Поливанов.

– Тем более насчет надежности ты преувеличиваешь, – отметил Ганичев. – Вон, в позапрошлом году под Хабаровском «Ту-104» рухнул, восемьдесят человек погибли. А в прошлом году под Иркутском – тридцать жертв. Раз в год обязательно свалится. А поезд – хоть неторопливо, но дотряхает. Колеса стучат, курочка вареная, огурчики соленые, яйца вкрутую. Красота...

– Все, спать, друзья мои. Спать, – вставил начальственное слово Поливанов. – Нам еще сутки ехать, наговоримся.

– Против власти не попрешь, – Маслов все-таки титаническим усилием запихал чемодан наверх, а за ним забросил на жалобно скрипнувшую полку свое стокилограммовое тело.

– Ты только полку не обрушь, – предостерег Ганичев, опасаясь быть придавленным. – И сам не упади.

– Моряку из Одессы качка не страшна, – объявил Маслов и уже через минуту сладко посапывал, в очередной раз демонстрируя поразительную устойчивость своей нервной системы.

Весь следующий день за окном тянулись бесконечные леса, полустанки, поля, перелески. Грузовики, легковушки ждали у шлагбаумов, около насыпи толкались местные жители, провожая глазами поезд – пришельца из другой жизни. Поливанов думал, что их провожают взглядом такие же люди, как и он, у которых своя, самая важная для них жизнь. Как у метеоритов: сошлись их траектории в бескрайнем космосе и разошлись навеки. Человечество – это бесконечное вращение таких вот метеоритов, мчащихся по своей траектории.

С утра сотрудников розыска навестили начальники. Маслов был прав – от них на самом деле исходил запах хорошего коньяка. Убедившись, что все в порядке, руководство чинно удалилось в свой вагон.

– Так, может, опрокинем? – не отставал Маслов.

– Да ладно тебе, – отмахивался Поливанов, знавший, что сухой закон он такой – только нарушишь, а потом уже не остановишься.

В командировочных запасах нашлась куча всякой провизии. Каждая жена собирала своего мужа добросовестно, в расчете на всю мужскую компанию. Глядя на продовольственное изобилие, Поливанов уже подумывал, не дать ли послабление коллективу по питейному вопросу. И тут все решилось само собой.

Их вагон был бронирован военной комендатурой, поэтому в коридоре толкались в основном военнотружущие всех видов род, званий и должностей. На станции Агрыз на пороге купе появился полноватый лысоватый подполковник с объемистым чемоданом и спросил:

– К вам можно?

– Заходите, товарищ подполковник, – радушно произнес Маслов. – Дорогим гостем будете.

– Ну, вот и хорошо, – открыто улыбнулся подполковник.

Петлицы на его форме были черные, а эмблемы с танчиками. Вскоре выяснилось, что он начальник штаба полка и возвращается из отпуска – был у матери. Планки на кителе показывали орден Славы и две Красной Звезды. Получалось, что попутчик был вполне себе геройский. И еще танкист, прямо как Поливанов.

– Извините, а где воевали? – кинул пробный шар начальник отдела. – И на какой технике?

И понеслось. Через некоторое время все тормоза, мешающие в начале общения, были сняты. На столике в купе появилась бутылка роскошного грузинского марочного коньяка «Варцихе», до того уютно ждавшая своего часа в объемистом, добротной кожи чемодане подполковника. За ней пошла другая бутылка.

Маслов пытался поучаствовать в трапезе жалкой бутылкой водки «Московская», но был властно остановлен танкистом – гусары такого не пьют. Похоже, затоварился армянским коньяком танкист основательно и ничего для попутчиков не жалел – благо зарплата, которая у армии раза в два больше милицейской, позволяла. Зато закуску всю вытряхнули из запасов москвичи. Странно, но хватило впритык. А за колбасой даже пришлось заглянуть в вагон-ресторан.

Душистый, отличный коньяк. Душевный разговор. И воспоминания, воспоминания, воспоминания. Про горящие танки, про штурмы городов, про трещащие под гусеницами немецкие пушки, про боевых друзей, которым повезло остаться живыми, и тех, кто сложили свои головы в боях за Родину. Ганичев, служивший в СМЕРШе, тоже вставлял время от времени свои истории – только несколько специфического характера.

Узнав, какое ведомство представляют попутчики, армеец обрадовался:

– А я на Дальнем Востоке с вашим братом сталкивался. Там начальником колонии назначили бывшего танкиста-майора. И как на беду, зэки взбунтовались. Он и пришел помощи просить. Наш комбат от щедрот ему три танка дал. Майор на радостях гусеницами по баракам проехался, да так, что бунтари только успевали выскакать, остановился в центре зоны, высунулся по пояс из люка и заорал: «Вот так всех отныне давить буду!» Зэки до того обалдели, что от своих мерзких помыслов отказались, бараки восстановили и ходили шелковыми, пока он там руководил.

– Вот это дело. Это по-нашему, – удовлетворенно кивнул Ганичев.

– А вообще, я не понимаю. Что мешает к стенке всех поставить, кто не дает жить трудовому народу? – заявил танкист. – Что, голод сейчас, куска хлеба нет? Зачем воруют? Зачем грабят? Потому что гады они и иуды, и к стенке их всех. И не жалко.

– Нет, – покачал головой Поливанов. – Всех нельзя. Там тоже люди.

– Ну не знаю. Как скажешь. Я тебе доверяю, – кивнул танкист, и стаканы в железнодорожных подстаканниках снова звякнули.

В общем, нагрузились вполне прилично, но ведь и повод был – товарищи по оружию встретились. Благо начальство больше не донимало.

Танкист выходил на станции Красноуфимск.

– Михалыч, в Москве будешь, обижусь, если не зайдешь. Можешь у меня остановиться, места хватит, – напутствовал Поливанов, колотя по плечу соратника по роду войск.

– Ну, и ты как-то, – кивал танкист. – Не забывай.

– Адрес не забудь.

– Да никогда!

Когда танкист ушел, еще долго в купе витало грустное ностальгическое настроение. Поливанову казалось, что прочной грани между прошлым и настоящим нет. Будто прикрой глаза, а как откроешь, ты снова в своем Т-34 командуешь зычно – заводи. И Палыч, уже пожилой механик с обогрешим лицом, аккуратно трогает мощную бронемашину.

В Свердловск поезд прибыл в полседьмого утра. Вагон неторопливо подкатил к перрону и застыл.

– Конечная станция «Свердловск-пассажирский», – зычно объявила проводница. – Готовимся к выходу. Не забываем вещи.

Билет для отчета по командировке она принесла еще полчаса назад, так что оставалось только извлечь огромный чемодан Маслова и не быть им раздавленными.

Все-таки на современных поездах ездить одно удовольствие. Еще недавно вокзалы – это угольная пыль, пар, свистки, в общем, каменноугольный период развития техники. А сейчас – тепловозы, электрички, чистота и порядок. Поливанов поймал себя на мысли, как быстро меняется жизнь, как приходят автомобили на место лошадей, а на место телетайпа – междугородный телефон и фототелеграф.

На перроне их уже ждали. Начальника уголовного розыска полковника Серегина Поливанов знал – тот, еще будучи оперативным сотрудником, приезжал в Москву, вместе ловили беглого разбойника и настигли в Марьиной Роще. Так что они тепло поздоровались, как старые знакомые.

Среди встречавших резко выделялся на фоне остальных своим двухметровым ростом – настоящий дядя Степа – заместитель начальника УООП Свердловской области по милиции Никита Рославлев. Также на перроне сустились оперативники.

– Ну что, товарищи, по машинам, – сказал Рославлев.

Один из оперативников, рыжеволосый, коренастый, лет тридцати на вид, с лучшими побуждениями попытался завладеть чемоданом Маслова, но тот театрально воскликнул:

– Мое, не отдам. Там сокровища всей моей фамилии!

Оперативник в долгу не остался:

– Бриллианты тещи.

Они поняли, что общий язык найдут.

«Нашли друг друга массовики-затейники», – усмехнулся про себя Поливанов.

Руководство расположилось в шикарном просторном черном шестиместном «ЗИМе». Поливанов с коллегами устроился в синей «Победе» с красной надписью: «Милиция». Их сопровождал тот самый рыжий, представившийся капитаном Сергеем Абдуловым, оперуполномоченным областного убойного отдела.

– Что ж вы преступный элемент не давите, свердловчане? – барски осведомился Маслов. – Вот приходится вас в свободное от подвигов время навещать.

– А, ну если вы у себя весь криминальный элемент передавили, так добро пожаловать, – отвечал Абдулов. – Гостям всегда рады.

– Да на раз-два сделаем. Как танком всех закатаем, – добавил Маслов, вспомнив красочные рассказы танкиста.

– А мы, дикие и убогие, поучимся...

Машины остановились на стоянке перед гостиницей «Большой Урал» на улице Красноармейской, в самом центре города, рядом с оперным театром и Уралоблсовнархозом. Шестиэтажное длинное здание с балкончиками и портиками под крышей, построенное в стиле советского конструктивизма в 1931 году, было недавно отремонтировано. Потолки высокие, все достаточно помпезно. Эдакое лицо города.

Заместитель начальника областного Управления провел по номерам лично, переписал гостиничные телефоны. Сидорову достался огромный люкс, даже с телевизором и холодильником! Лопатин поселился рядом с ним в одноместном номере. Поливанов и компания разместились в трехместном. Там было просторно, имелся балкон, радио, стол с настольной лампой, два кресла, широкие мягкие кровати – чистенько, уютненько, все по делу, без особых излишеств. Горячая вода круглосуточно. Понравилось. А что втроем – так оно веселее.

– Отлично, – отметил Поливанов на вопросительный взгляд заместителя начальника областного Управления.

– Ну, вот и хорошо. Отдыхайте после дороги. А там заедем – на обед отвезем. Потом совещание.

– Нет, так не пойдет, – возразил полковник Сидоров. – Вещи бросили. Считай, устроились. Едем на совещание.

– Как скажете, – кивнул Рославлев. В его голосе, с одной стороны, тревога от такого напора, а с другой – некоторое удовлетворение.

Не секрет, что обычно таких приезжих варягов встречают с определенным опасением. Во-первых, присутствует элемент ревности – мол, наверху решили, что сами не справимся, и послали на нашу голову. Во-вторых – дел невпроворот, а тут экскурсантов еще води, показывай им, рассказывай, но толку все равно ноль будет, поскольку земля не их. Да еще по приезду в столицу в неподходящем свете все отразят. Но после слов представителя Управления милиции министерства у местных появилась надежда, что приехали не экскурсанты, а работники. И может быть, на самом деле помогут. Конечно, будет обидно, что сразу сами не справились. Но сейчас главное найти выродков. А вся дипломатия – это уже потом, это не главное.

На совещании в просторном кабинете с новомодной мебелью, с портретом руководителей государства, заместитель начальника областного Управления кратко изложил диспозицию:

– После поступившего на ноль один звонка о возгорании на место выехала пожарная команда в составе двух спецмашин. После ликвидации очага возгорания в подполе сгоревшего частного дома обнаружены трупы шести человек.

– Что известно по погибшим? – спросил Сидоров.

– Погибли хозяин дома Фельцман Давид Георгиевич, приемщик утильсырья на колхозном рынке. Его жена Елена Львовна. Десятилетняя дочь Валентина. Зять Василий Оленин, его жена Роза Давидовна. И Рокотова Даяна Игнатовна, врач-педиатр местной поликлиники.

– Как они там собрались все вместе? – спросил Поливанов.

– Судя по восстановленным нами событиям, бандиты под каким-то предлогом проникли в дом к обычно очень осторожному Фельцману, который очень не любил незваных гостей. Потом, наверное, вымогали спрятанные деньги. Зять с женой собирались к ним прийти вечером. Скорее всего, бандиты были уже дома и вынуждены были напасть и на них. Что касается врача, то в регистратуре имеется вызов на дом в связи с резами в желудке девочки. Поскольку вызовов было много, врач на улицу Крылова добралась только вечером. И тоже попала в разряд нежелательных свидетелей... Смерть Елены Львовны наступила от сердечного приступа. Остальные были удушены, зарублены или зарезаны.

– То есть с самого начала они шли не убивать? – спросил Лопатин. – А потом решили прикончить всех, кто мог указать на них?

– Это вопрос. Некоторые данные указывают на то, что бандиты шли именно убивать. И жечь.

– Надо на месте осмотреться, – сказал Сидоров.

– Пожалуйста, – кивнул Рославлев. – Место происшествия после осмотра не трогали, оно охраняется. Вас ждали.

– Спасибо за это, – кивнул Сидоров. – Поехали?

Рославлев снял трубку:

– Двадцать четвертую и мою машину на выезд...

Глава 10

Грек опустошил бокал шампанского. Пил он его, как водку, в два глотка. Прикрыв глаза и уносясь душой куда-то вдаль.

Жило в нем воспоминание далекого, теперь уже будто чужого детства. Мальчонка он был грамотный, подворовывал в числе прочего и дешевые дореволюционные сытинские брошюры беллетристики из книжного магазина на углу рядом с домом. В них и читал взахлеб про буржуев – а там все ананасы в шампанском, пузырьки шампанского, брызги шампанского, ванны из шампанского. Этот напиток манил его несказанно. И не важно, каков он на вкус. Грек пробовал и чифирь, и гуталин, и ерш, и химию – лишь бы забыться в длинные полярные ночи в колонии. Пил на воле и хорошие грузинские вина, и армянские коньяки. Но в этом хрустальном бокале, наполненном шампанским с отрывающимися и рвущимися вверх пузырьками, главным был не вкус и градус, а сказка иной жизни, которая не поблекла для него до сих пор. Дорогие костюмы, изысканное общество, деньги, деньги, деньги. Все то, что отняла проклятая Совдепия. Без господ большевиков вся эта сладкая жизнь могла бы быть его жизнью.

Его предки владели крупными мануфактурами в Самарской губернии. Были у них и балы, и приемы, и рестораны с серебром и хрусталем – все было. Грек вырос на сытинских книжках и воспоминаниях отца о прошлых временах. И они прошли с ним через все невзгоды.

Мать его сгорела от чахотки в двадцать пятом, когда ему стукнуло пять лет, и он ее не помнил, о чем никогда не жалел. Зато хорошо помнил вздорного, горячего на расправу отца, который пил с каждым годом все больше. И спьяну долдонил что-то об этом их потерянном семейном рае. Попутно прививая сыну ненависть к «товарищам» и «Совдепии» с помощью тумачков – грубо, прочно.

В отце сохранилась семейная купеческая жилка. И в НЭП он жил очень неплохо, заведя свое дело по торговле мукой и бакалеей, прикармливая с рук и товарищей в местных властях, и расплодившихся бандитов, и даже чекистов. Он был хитрым и ушлым. После НЭПа устроился тоже нормально, заведовал советской вещевой базой. Жрали тогда они от пуза. И отец не уставал внушать сыну, что красть у советского государства – это честь, а не грех. Сынуля творчески развил эту мысль, придя к выводу, что красть вообще не грех – у кого угодно. И связался с компанией, которая ему эту идею помогала реализовать на практике.

А там пошло-поехало. Еще пацаном стоял на стреме, когда блатные чистили склад местной текстильной фабрики. Хватанул свой первый стакан водки, который ему поднесли на малине за правильность и стойкость.

Вся эта идиллия закончилась в 1935 году с визитом в контору отца сотрудников НКВД и с последующим арестом и конфискацией имущества. Вменили отцу и чуждое купеческое происхождение, и антисоветскую деятельность – благо по пьяни он часто ругал власть, порой не задумываясь, перед кем раскрывает душу. Но подоплека была в том, что он проворовался по-крупному, и, чтобы не возиться с длинным и труднодоказуемым хозяйственным делом, его пустили по антисоветчине. Тогда многих расхитителей и взяточников пускали именно по статье за антигосударственную деятельность – так было проще.

После папашиного задержания Грек сбежал из своего города от греха подальше. Братва охотно приняла его в свои объятия.

– Вор ворует, а фраер пашет, – сказал на малине пахан Прокоп. – Ты теперь наш. Нет у тебя отныне ни дома, ни семьи, ни барахла. Только мы у тебя есть.

Погоняло ему тогда первое дали с учетом происхождения – Саша Мануфактура. Уже много позже он стал Греком.

Потом были отсидки, тяжелые испытания и веселые загулы. Все было. И никогда Грек не жалел о том, какой путь выбрал. Никогда бы он не смог жить в Совдепии своим. Только вот

что тот рай с ваннами из шампанского по-прежнему недостижим, как и в детстве, – вот это жалко. Как бы он хотел провалиться в тот мир...

– Пей, – кивнул Грек на второй бокал.

Люба прикрыла глаза и в несколько мелких глотков осушила бокал шампанского, серебряной ложечкой зацепила немножко стерляжьей икры.

– И увидела я, что это хорошо, – переименовала она откуда-то выплывшую в сознании библейскую фразу.

На ее щеках играл румянец. Личико у нее было привлекательное, кругленькое. Волосы по последней моде окрашены в радикально черный цвет. Тело еще не утратило былой стройности. Хотя и стукнуло ей уже тридцать пять, выглядела она куда лучше, чем девчата с ткацкой фабрики в свои двадцать. А все потому, что берегла себя, заботилась о себе, живя по принципу «воровка никогда не будет прачкой».

Ее путь к блатным был гораздо менее извилист, чем у сидящего напротив нее Грека. Не было обид на советскую власть, предков-купцов, бродяжничества и лишений. Зато с детства у нее был задан четкий курс. Еще со школы общалась только с дерзкими мальчиками. Была сама дерзка и неуправляема. И прислонялась только к дурным компаниям. С другими ей было просто невероятно, до физической боли скучно... Результат не заставил себя долго ждать. В восемнадцать лет первая судимость...

Сошлась Норка с Греком десять лет назад, в Киеве, куда занесло ее после первой отсидки. Схлопнулись они, как два полушария урана, преодолев критическую массу и выплеснув ядерную реакцию животной страсти. И были у них прошедшие в каком-то тумане три месяца.

Грек там был в авторитете, верховодил какой-то шайкой. Любаня в его дела не лезла – своих хватало. А потом они разбежались. Очень вовремя, потому что шайку повязали.

Шел год за годом. Однажды она поняла, что слоняться по тюрьмам ей надоело. Да и преступный мир утратил былую сплоченность и веселую бесшабашность, которые так влекли ее в молодости. Теперь воры все больше по углам прячутся, как тараканы, а не бросают в ресторанах деньги в оркестр. Да и сама она уже стала уставать от всего этого, опытным взглядом куда более скептически оценивая блатные кураж и романтику. И на самих босяков начинала глядеть более критически, понимая, что раньше за лихость принимала тупую агрессию, зашкаливающую самовлюбленность и жестокость. Поднадоели ей блатные дружки, хотя и отвязаться от них полностью была не в силах – просто не представляла, как это сделать.

Все же решила она от старого ремесла потихоньку отходить и пристраиваться к обычной скучной жизни, которой живут тупые обыватели и мещане. Вернулась в родной город, прописалась у тетки, которая вскоре удачно съехала на кладбище, оставив непутевой племяннице деревянный дом со старыми платяными шкапами, разохшимися стульями и непрочно стоящим на дощатом полу одноногим круглым столом, а также швейной машинкой «Зингер» с ножным приводом. Эта машинка пришлась очень кстати.

Люба с детства отлично шила и обладала недурным вкусом. Поэтому смогла утрясти все формальности и стать портнихой-надомницей, что позволяло зарабатывать какие-никакие деньги собственным трудом. Ну а еще время от времени делать дела с ворами, приторговывать краденым. Приходили к ней многие, чтобы по старой памяти помогла, чем могла, укрыла. Большинству она давала от ворот поворот. Но среди старых дружков были такие, которым не откажешь – легче сразу в петлю.

Грек был как раз из тех, кому отказать невозможно. И он это знал. Поэтому, заявившись недавно вечерочком к ней, просто поставил перед фактом:

– Перекантуюсь у тебя подальше от чужих глаз. Внакладе не останешься, – и кинул замызганный фибровый чемодан на покрытую только что любовно отстиранным и выглаженным покрывалом кровать.

Вот так он и хоронится у нее. Что хочет, зачем, что у него на уме – одному черту известно. Но чего у него не отнять, копейку попусту не бережет, на столе не переводятся дорогие выпивка и еда. Ну, а значит, пусть живет. Жутковато с ним, конечно, как с диким зверем в одной клетке. Но ведь и приятно бывает. Ох, как приятно...

Она поставила хрустальный бокал на стол, почувствовала, что уже прилично набралась – много ей и не надо, здоровье уже не то. Но это не важно. А важно, что душа рвется из груди.

– Спую, – она сорвала ленту с волос, распустив крашенные черные волосы, махнула головой и заунывно протянула:

Течет речка да по песочку,
Золотишко моет.
А молодой жулик, жулик, молодой жулик
Начальничка молит.
Ой, начальничек, ключик-чайничек,
Отпусти до дому.
А дома ссучилась, дома скурвилась
Молода зазноба.

Потом налила себе еще шампанского и с залихватским «эх» выпила.

– Так поешь – прям черти душу скребут, до того тоскливо, – хмыкнул Грек.

– А потому что тоска на душе, – пьяно растянула Люба слова. – Эх, погубили вы, блатные, девочку-припевочку.

– Это тебя, что ли?..

– Меня.

– Посмотри на пальчики свои нежные, Норка. Что бы с ними было, вкалывай ты на ткацкой фабрике. Сопливые дети, путевка в дом отдыха, да и ту выбить надо. От зарплаты до зарплаты жизнь. И это, – Грек показал на икру и шампанское, – видела бы только в сладких снах. И в кино про хорошую жизнь.

– А какая жизнь хорошая? Может, с сопливыми детьми и с путевкой от парткома она и есть хорошая?

– Ты сама как думаешь?

– А чего мне думать-то? Воровка никогда не будет прачкой, – она захохотала. – Я воровка. Ты вор. Воры должны воровать...

– Нет, Любаша. Я уже и не вор.

– А кто?

– Душегуб я, ясноглазая моя. Душегуб. – Щека Грека нервно дернулась, глаза затуманились. – Кровью чужой живу.

Услышав это, Люба мгновенно протрезвела. И пристально уставилась на него.

– Ты слышал, недавно семью на Крылова порешили? – спросила она.

Грек внимательно посмотрел на нее и сказал тяжело так, как топором отсек:

– Это не я.

– А то менты носом землю роют, житья от них нет. На Трамвайной и в переулке Федорова хавиры накрыли. И малину на Барбюса. Хорошо, что я давно людей не принимаю. А то бы как свеча сгорела.

– Рыщут, значит.

– Как псы голодные. Такого давно не было.

– Вот потому и написано в скрижалях – вор не должен убивать. Не потому, что овец жалко. А потому, что за овец приходят мстить сторожевые псы.

– Ладно, главное, Грек, ты ни при чем. А то мне терки с мусарней по такой теме никак не уперлись...

– Не бойся никого, Любаня... Меня бойся. Сдашь – с того света приду и спрошу с тебя за все.

– Кого я сдавала, Грек? Как у тебя язык такое метет, родненький? Ты что?

– Верю. Просто хочу, чтобы бесы тебя не крутили и с пути не сбивали. Вот и предупреждаю.

– Ну, спасибо.

Он аккуратно постучал ногтем по хрустальному бокалу, издавшему легкий звон. И неожиданно резко рванулся к Любе. Она прыгнула навстречу... Все должно было закончиться волчьим безумным спариванием, как в последние дни...

– Эй, хозяйка! Дома? – заколотили по воротам.

– Аксютич, – простонала Люба.

– Что за зверь? – насторожился Грек.

– Да Сеня, участковый наш придурочный.

– Пошли его на лысую гору чертям хвосты крутить.

– Не отвяжется. Я ранее судимая. А они всех тягают. Все равно войдет. Дом проверять будет.

У Грека зачесался бок, куда упиралась рукоятка финки. Что ж, придется опять окропить жадное лезвие кровушкой?.. Не вовремя это все.

– Уходить мне надо, – сказал он.

– Поздно. Он тебя заметит...

Глава 11

Синяя «Победа» с красной милицейской полосой неторопливо отчалила от здания Управления и двинулась по проспекту Ленина. «ЗИМ» с начальством оторвался и унесся лихо вперед.

– Тяжко идет машина, лошадиных сил не хватает, – посетовал сидящий на переднем сиденье Маслов. – И ста километров не выжмет... У нас уже все давно на «Волги» перешли.

– Хорошая машина, – возразил рыжий Абдулов. – Крепкая.

– Этого не отнимешь. Сразу после войны сделана, по подобию танков и из танковой брони, – согласился Маслов. – Не удивлюсь, если она и в двухтысячном году будет ездить... Знаешь, как ее хотели назвать?

– Как? – Абдулов был не искушен в исторических вопросах.

– «Родина». Сталину доложили это предложение, а он спросил так невинно: «И почему Родину будем продавать?»

– Да, отец народов отличался специфическим остроумием, – отметил Ганичев.

За окнами машины проносился Свердловск. В 1723 году Петр Первый своим указом повелел построить на берегу реки Исети крупнейший железоделательный завод, ставший вскоре крепостью, а потом и столицей горнозаводского края. Так с тех пор и остается этот красивый героический город-трудяга одной из главных несокрушимых опор индустриальной мощи СССР.

Машина ехала по проспекту Ленина. Позади осталось величественное здание горсовета, украшенное колоннами, огромным гербом СССР, курантами, высоким шпилем со звездой, очень похожее на кремлевскую Спасскую башню. Промелькнул праздничный, пряничный дом купца Севастьянова, ныне областного комитета профсоюзов, с огромной надписью на крыше: «Слава рабочему классу», пылающей ночью неонам. Новомодный стеклянный фасад Свердловского академического театра музыкальной комедии тоже растаял за кормой.

Свернув с проспекта, «Победа» закружилась по улочкам и переулкам.

– Сверни-ка туда, – попросил водителя Абдулов и указал на невзрачный двухэтажный дом на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка. – Ипатьевский дом. Тут расстреляли последнего царя на Руси.

– Значит, здесь Николая Кровавого рассчитали, – Ганичев с интересом посмотрел на дом.

– Историческое место, – изрек Маслов. – Аж мороз по коже...

За разговорами обо всем и ни о чем добрались до места происшествия.

– Приехали, – Абдулов показал на длинную улицу, состоящую из деревянных домиков. Только что шли новые районы с многоэтажными домами, и тут же проваливаешься в какую-то деревенскую неторопливую жизнь с водопроводными колонками, покосившимися заборами, брешущими при виде незнакомцев собаками.

«Победа» остановилась около пожарища.

– Ну что, пошли, – кивнул Абдулов.

– Где наша не пропадала. – Маслов вылез из машины и потянулся: – Картина скорбная.

Черный «ЗИМ» был уже здесь. Тут же застыла черная «Волга», на которой приехал заместитель прокурора области со своим помощником. Народу набиралось на небольшой митинг.

Окрестности сгоревшего дома были оцеплены милицией. Поливанов предъявил свое удостоверение постовому сержанту, который непонимающе посмотрел на невиданный документ. В МУРе традиционно были не стандартные красные книжечки, а похожие на наградные удостоверения документы, где сотрудники могли фотографироваться даже не в форме. Так исторически повелось, и теперь в этом был какой-то кураж.

– Это со мной, Паша, – сказал свердловчанин знакомому сержанту. – Товарищи с Москвы. У них все по-другому.

Постовой четко козырнул, вытянувшись как на параде, – хоть и удостоверение непонятное, но Москва все же, столица Родины, значит, это важные птицы.

Пепелища всегда выглядят страшно. В мир приходит разрушительная сила, которая вмиг сметает то, что с такой любовью создавали люди, – дома, мебель, картины, а то и пожирает человеческие жизни.

– Сейчас влет все улики срисуем, – пообещал Маслов. – Как завещал нам товарищ Шерлок Холмс, который все раскрытия вытаскивал с первоначального осмотра места преступления, имеющий глаза да увидит.

– Могу даже микроскоп дать, – поддакнул Абдулов. – Только разгляди, Шерлок Холмс, что мы не разглядели.

– С микроскопом любой дурак может, – Маслов провел ладонью по обгоревшей балке. – Знатно горело...

– Шесть погубленных жизней, – покачал головой Поливанов. – Да, человек человеку куда свирепее и зверя, и огня.

Дом стоял – обгорелый, просторный, с выбитыми стеклами, похожий на надгробие. Собственно, таковым он и являлся. Поливанов всегда ощущал какое-то потустороннее холодное напряжение пространства на местах гибели людей, будь то фронт или места происшествий.

Шесть душ унес тот страшный вечер. Может быть, они, бесплотные, вопреки заверениям научного коммунизма, витают где-то рядом – неупокоенные, жаждущие справедливости. От этой мысли муравец поежился.

Милицейское начальство, как положено по статусу, важно прохаживалось меж головок. С ними пинал обгорелые стены заместитель прокурора области.

– Сбагрить бы всех и осмотреться в тишине и покое, – посетовал Маслов.

– Так не бывает, – возразил Поливанов. – У руководства непреодолимая тяга к местам происшествия. Как правило, бесплодная.

– Ладно, экскурсовод, веди, показывай все, – потребовал Маслов у Абдулова.

Поливанов любил осмотры. Имея аналитический склад ума, он умел подмечать детали и делать из них выводы. Маслов старался от него не отставать. Ганичеву эти премудрости казались заумными. Все его мысли сейчас были заняты исключительно тем, как напрячь местную блатную шуштуру, чтобы та сама принесла голову убийцы на блюде.

Под ногами Поливанова потрескивали осколки посуды, почерневшие остатки стульев. Обугленные балки крыши опасно нависли над головой – не дай бог рухнет и еще кого-нибудь завалит.

Он думал – хорошо, что пожарные прибыли быстро и отработали четко, иначе вообще бы ничего не осталось. Ни вещей, ни следов. Может, и подвал бы с трупами выгорел. А так есть что осматривать. Вон, стоит огромный дубовый, с резными дверцами шкаф, который едва обгорел по краям. А обеденный стол вообще огонь пощадил. И нетронутая игрушка валяется в маленькой комнате – большой матерчатый клоун в колпаке. Такие в «Детском мире» в Москве стоят два рубля сорок копеек. Наверное, девочка радовалась, когда ей принесли этого милого персонажа из сказочной страны. Было счастье в детских глазах. Было... Кулаки у Поливанова произвольно сжались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.